№ 57 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ОКТЯБРЬ 1958 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

34-й год издания

УГРОЗА НОВОЙ ВОЙНЫ

Человечество озадачено вопросом: разразится-ли третья мировая война?

Как известно, первая мировая война, начавшись в 1914 году, закончилась для России свержением ненавистного царского режима и установлением так называемой "коммунистической" диктатуры. В других странах Европы были свергнуты монархии и установлены республиканские режимы. Америка, втянутая в войну при ее окончании, мало пострадала от этого.

Вторая мировая война, начавшаяся в 1939 г. и втянувшая Америку почти в самом начале, закончилась поражением гитлеровской Германии и военным укреплением России и Америки. Спустя короткое время между этими двумя странами началась усиленная борьба за влияние и власть над европейскими народами. В настоящий момент идет идеологическая холодная война, которая может по той или иной причине превратиться в разрушительную горячую войну. Каждый день приходят вести об усиливающихся военных приготовлениях в этих двух странах.

Главная проблема настоящего тревожного дня тесно связана с международной политикой Америки и России. Все важные события, волнующие весь мир, непосредственно касаются экономических и идеологических интересов этих двух могучих стран. Нет сомнения, что духовно демократическая Америка стоит выше "коммунистической" России; в последней все задушено партийной диктатурой. В Америке существует относительная свобода мысли, совести, слова, печати и организации. Рабочие работают короткие часы и получают высокую заработную плату. Они живут хорошо, а некоторые даже богато. Некоторые из них обуржуазились и психологически приближаются к капиталистическому классу. В России же рабочие живут в нужде, работают из под палки и за свой рабский труд получают низкую заработную плату. Забастовочное движение запрещено "рабочим" правительством. В стране все

Рокер умер

10-го сентября с. г. скончался на 86-м году своей жизни РУДОЛЬФ РОКЕР— один из выдающихся теоретиков анархизма. Следующий номер "ДТП" будет частично посвящен т. Рокеру.

пожирается всесильным хозяином — государством и его верховодителями — комиссарами. Америка стремится к долларовой демократии, Россия же сгибается под усиленной партийной диктатурой.

Никто, понятно, не знает чем закончится возникший конфликт между Америкой и Россией. Возможно, что он закончится мирно на дипломатическом фронте. Но не исключена возможность военной агрессии одной из заинтересованных сторон. Американская анти-"комумнистическая" политика предвидит такую агрессию со стороны России. Но большевики, несмотря на свои большие силы, боятся стать инициаторами войны. Бомбы бессильны победить даже в большой атомной войне.

Но как бы то ни было, военная опасность велика. Война может разразиться в любой момент, неся с собою разруху, голод и смерть.

Какую же позицию должен занять рабочий класс в вопросе о войне?

Некоторые рабочие ошибочно смотрят на войну, как на манну небесную. Война, дескать, даст всем работу. Это большое заблуждение. Рабочий класс, как и все бедное население, больше всех страдает от войны. Ряды армии состоят главным образом из рабочего населения. Поэтому рабочий класс должен освободиться от иллюзий. Он должен объединить свои силы со всеми порабощенными народами и совместно бороться за анархическое отрицание государства, законов и насилия, за мир и братство народов. Иными словами говоря, он должен бороться против войны и милитаризма, за политические и экономические свободы.

Русско-американские рабочие, в частности, должны объединить свои силы и помочь рабочим других стран в их справедливой борьбе за лучшую, свободную жизнь.

Все рабочие, как класс, имеют моральное право защищать страну, в которой они живут и страдают. Но эта защита должна одновременно идти за расширение и полное осуществление свободы и социализма. Свобода — могучее орудие в борьбе за истинный социализм. А такой социализм заключает в себе элементы анархизма.

Рабочие должны составить сильный объединенный фронт и бороться за мир всех народов мира.

Л. Липоткин

УЧЕНИЕ КРОПОТКИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

(Окончание)

Говорить о сочетании промышленности и сельского хозяйства, как об осуществившемся факте, конечно, еще не приходится, но надо согласиться, что возможность такого сочетания в настоящее время вполне очевидна. Сельское хозяйство теперь не то, каким оно было, скажем, полвека тому назад. Тогда все работы производились лошадьми, теперь же — машинами. Многие хозяйства (образцовые, конечно), почти ничем не уступают фабрикам в смысле механизации. Механизация лучше чем что бы то ни было сближает деревню с промышленными центрами. Человек, оперирующий сельско-хозяйственными машинами, без труда усвоит технику фабричных машин. Это же верно и в обратном смысле: фабричному технику не долго стать сельскохозяйственным техником. Техника, как видно, роднит, сближает и объединяет разные виды народного хозяйства, подобно тому как она же сближает разные географические точки.

Не нужно быть технократом, т. е. слепым поклонником машины, чтобы согласиться, что машине суждено сыграть — она уже сыграла — огромную роль в судьбах человечества. Свободная жизнь, конечно, возможна и в странах со слабо развитой техникой и даже там, где техники совсем нет, но жизнь эта будет мало чем отличаться от жизни низших существ, всецело занятых добыванием средств пропитания. Быть может, и в такой жизни есть идиллия (свободный труд, даже если он изнурительный — не кажется изнурительным), но все же такая жизнь не может равняться той, где человеку не придется расходовать все свое время на добывание хлеба. Четыре часа и целый день—разница большая. Следует, впрочем, отметить, что на 4-х часовый рабочий день, упоминаемый Кропоткиным, не следует смотреть

как на какую то солдатчину, т. е. как на обязательство ежедневно проводить четыре часа на фабрике. В свободном обществе никакой **повинности** не будет. Принцип "от каждого по способностям" — сам говорит за себя. Люди будут работать столько (времени), сколько кому захочется и сколько кто сможет. Кропоткину нужно было упомянуть о 4-х часовом дне для успокоения тех, кто в принципе не против свободного коммунизма, но кто думает, что если люди будут заняты созданием материальных ценностей, то кто же будет создавать ценности духовные? Кто будет писать "Евгения Онигина" или "Патетическую симфонию"?—обычно спраш. такие люди. Как бы отвечая на это, Кропоткин и подчеркнул, что после 4-х часового труда у каждого останется достаточно времени на создание культурных ценностей. Но и в таком сравнительно благоприятном разграничении труда не будет надобности. Нынешнее разделение труда в значительной мере зависит от того, что знание доступно лишь известной части общества. Не все могут учиться, скажем, до 25-летнего возраста. Многие должны начинать зарабатывать хлеб чуть ли не после окончания начальной школы. В свободном обществе этого не будет. Там каждому будет открыта возможность продолжать образование до полного окончания курса. При том, каждый будет изучать то, к чему у него больше всего имеется наклонностей. Изречение: "он жнец и на дуду игрец" станет общим явлением. Не только деление на интеллектуальный и мускульный труд, но и деление на разные ответвления интеллектуального или мускульного труда утратят свою остроту. Каждый индивид будет образцом сочетания, а не разграничения труда. Такие вопросы, как: кто будет делать то, а кто — это? — окажутся совсем неуместными.

Весьма красочно этот вопрос освещен Толстым, которого тоже неоднократно спрашивали: кто напишет "Войну и Мир" если все начнут косить и пахать? Как человек, связанный с земледелием, Толстой берет примеры преимущественно из сельско-хозяйственного быта, но они одинаково относятся и к другим видам работы. Толстой прежде всего высмеивает тех, кто полагает, что если бы Шекспиру, например, пришлось везти в поле навоз, то его поэтические дарования растряслись бы на телеге. То, чем природа наградила человека, всегда остается с ним. Все наши культурные ценности, поясняет Толстой, равно как и технические усовершенствования, прежде чем стать действительностью, рождаются в нашем воображении. Воображение же — вольная птица. Оно ни с чем не связано. (При условии, конечно, что люди не испытывают политического или экономического неравенства.) Чарующие строки "Божественной Комедии" или же изумительный образ "Мадонны" могут родиться в воображении не только во время сидения за письменным столом или же на прогулке, но и во время выполнения той или иной физической рбаоты, если эта работа добровольная, а не принудительная. В воображении человека, работающего, скажем, в поле, может зародиться даже более полновесная культурная ценность, ибо чистый воздух, ясное небо, запах цветов и пение птиц, несомненно, более способствуют для этого, чем затхлый, пропитанный табачным дымом, воздух кабинета. Своим примером Толстой подтвердил, что физическая работа нисколько не мешает умственной и что нет надобности в делении времени по роду занятий: это деление само собой произойдет.

Сочетание умственного труда с физическим, разумеется, не следует понимать в том смысле, что каждый человек обязан работать, как умственно, так и физически. Ничего подобного в свободном обществе не будет. Будущему Пушкину не придется идти на разгрузку дров, если, конечно, он сам этого не пожелает. Если даже в тоталитарном строе люди, в конце концов, приходят к заключению, что не единым хлебом жив человек (об этом свидетельствует роман В. Дудинцева), то в свободном обществе тем более будет всем известно, что для полноты и красоты жизни нужны не только материальные блага, но и культурные ценности. Будущие Рафаэли, Моцарты, Эдисоны, Коперники или Пироговы будут работать в своей области и их труд будет считаться таким же нужным и полезным как и труд, идущий на производство хлеба, одежды, стали или кирпича. На сочетание труда следует смотреть скорее как на идентичность и полноценность всех видов

работы (в современном обществе, как известно, в области труда царит такая же иерархия, как и в социальной структуре: один труд считается лучшим, другой — худшим, один — дороже, другой — дешевле и т. д.), а не как на обязательство каждого человека переходить попеременно от одного рода занятия к другому.

Здесь уместно указать на один укоренившийся предрассудок — на презрительное отношение к физическому труду (по крайней мере к некоторым его видам). От того ли, что физический труд все еще не свободен (наемный труд никоим образом нельзя считать свободным) или по каким-либо иным причинам, но значительная часть населения все еще смотрит на физический труд как на что-то унизительное и позорное. В свободном обществе этого предрассудка не будет. В свободном обществе физический труд будет таким же почетным, как и умственный, вследствие чего совершенно изгладятся те рвы и межи, которые сейчас делят трудовую ниву на небольшие участки. Это и явится залогом сочетания труда. Наше горе в значительной степени заключается также в том, что мы на будущее свободное общество в большинстве случаев смотрим сквозь призму современности, т. е. переносим, быть может, сами того не замечая, современные порядки и повадки в будущее общество. Отсюда — множество ложных выводов и заключений. Положение современного рабочего, несмотря на все достижения и улучшения, все еще незавидное. Есть одна особенность, которую никакие повышения заработной платы, никакие санитарные постановления, никакие юнионные контракты — не могут искоренить. Особенность эта — чувство и сознание рабочего, что работает он в чужом здании, на чужих машинах, чужими инструментами, по чужим планам, приказаниям и т. д. Эта отчужденность от средств производства и от производимых предметов, а также чувство, что есть кто-то, стоящий выше его, рабочего, и распоряжающийся им по своему усмотрению, — делают, как саму работу, так и время, проводимое на фабрике, тяжестью. Фабричный гудок, возвещающий об окончании работы, и тот же гудок, возвещающий о начале работы — для наемного рабочего не одно и то же. В первом случае рабочего охватывает радость, довольство, счастье и даже бодрость, несмотря на то, что он только что закончил трудовой день и стало быть, находится в усталом состоянии; во втором случае — рабочим овладевает уныние, недовольство, боязнь, беспокойство и т. д. В свободном обществе ничего подобного не будет. В свободном обществе рабочий будет одинаково чувствовать, входя в фабричные ворота или же выходя из них. На работу он будет идти в таком же настроении, в каком он сейчас возвращается домой, в круг семьи. На фабрике будут все такие же как он — друзья, приятели, люди равные, одинаково заинтересованные в производстве, а не так, как теперь, где одни заинтересованы в том, чтобы как можно больше выжать соков из эксплуатируемых, а другие заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее шло время. Люди, никогда не работавшие на фабрике, понятия не имеют, что для современного рабочего означают часы, висящие где-нибудь на стене. Нет, нет, да и бросит рабочий свой взгляд на эти часы,—и все ему кажется, что часовые стрелки слишком медленно ползут. В свободном обществе, при свободном производстве рабочий будет так же смотреть на часы, как мы сейчас смотрим на них, находясь в гостях. Тяжесть, вызываемая медленно ползущими часовыми стрелками, совершенно исчезнет. Понятие "рабочее время" утратит свое теперешнее значение. Никакого рабочего времени фактически не будет, — все время будет одинаково.

Эта психологическая перемена изменит все наши современные представления о работе. На работу перестанут смотреть как на тяжесть, обузу, а тем паче — как на унижение. Работа окажется самым естественным, необходимым, приятным и веселым занятием для человека. Человек будет жить полной жизнью не только после окончания работы, как это наблюдается теперь, но и во время работы.

Само собой понятно, что у людей совершенно исчезнет желание, ныне владеющее наемными рабочими, скорейшего наступления "квитинг тайм." Ведь дома и на фабрике рабочий будет чувствовать одинаково, — зачем же стремиться уходить с фабрики? Не стремимся же мы уходить с пикника, а жизнь в свободном

обществе даже в процессе производства — будет пикник.

Если хорошенько подумать, то нельзя не придти к заключению, что не работа, как таковая, — тяжесть для современного рабочего, а те условия, при которых работу приходится выполнять. С изменением этих невыносимых условий исчезнет и тяжесть работы. Вот маленький пример. В Нью Иорке есть своеобразная профессия — сноска старых домов. Работа эта сама по себе тяжелая, опасная и грязная; условия труда — самые невыносимые. Даже зимой в трескучий мороз по лицу разборщика бегут струйки пота. Если туда попадает новичек, то в первые дни он не может даже ботинок надеть: до того болят все части тела. Однажды несколько разборщиков решили создать нечто вроде кооператива, т. е. начали сами брать подряды вместо того, чтобы продавать свою силу подрядчикам. Работали они так же тяжело, как и у подрядчиков, но тем не менее никто из них не испытывал той тяжести, которая испытывается на хозяйских работах. Никто не посматривал на часы, — чтобы скорее уйти домой... Вот что значит перемена условий работы.

Это небольшое отступление от темы пришлось сделать для того, чтобы подчеркнуть, что мы иногда уподобляемся тому господину, который с своим уставом суется в чужой монастырь. Мы берем современные рабские условия труда и переносим их в таком виде в свободное общество. Отсюда у нас возникает множество затруднений и недоумений. Кто будет выполнять неприятные работы? — спрашивают одни. Сколько часов поэту придется заниматься физическим трудом для того, чтобы иметь полное право на пользование жизненными благами? — спрашивают другие. Все эти вопросы неуместные. Никаких неприятных работ нет, (есть неприятные условия работы). Никакого поочередного хождения — то на фабрику, то за письменный стол — в свободном обществе не будет. Каждый будет выполнять ту работу, к которой у него больше всего влечения и природных дарований. И что бы человек ни делал, если его труд не будет приносить вреда обществу, — он (т. е. производитель) будет иметь полное право на пользование всем необходимым для жизни.

Вот как следует понимать сочетание умственного труда с физическим. Это не чередование разного рода занятий, а признание за каждой работой одинаковой ценности. Как нет надобности каждому шахтеру писать своего "Евгения Онигина" (да это и немыслимо), так нет надобности каждому поэту спускаться в шахты. Каждый может трудиться в своей области и тем самым приносить пользу обществу. В жизни ведь все нужно — и хлеб и музыка. И тот, кто будет творить музыку, будет такой же ценный член общества, как и тот, кто будет создавать хлеб.

У Кропоткина это, конечно, выражено иначе. В то время, когда Кропоткин говорил о необходимости сочетания умственного труда с физическим, техника еще не стояла на такой высоте, на какой она стоит теперь. Тогда еще могли быть опасения, что если не будут работать все, то общество может очутиться перед угрозой голода. В наше время таких опасений быть не может. На практике мы видим, что для того, чтобы иметь все необходимое в жизни, нужна сравнительно небольшая затрата энергии сравнительно небольшого количества людей. Если один фермер может прокормить 20 человек и в довершение к этому оставить огромные излишки, то фабричный рабочий тем более может это сделать, ибо механизация в области промышленности пошла гораздо дальше, чем в области сельского хозяйства.

Кроме того, Кропоткин к вопросу о сочетании умственного труда с физическим подходил, главным образом, с точки зрения интегральной личности. Он доказывал, что однообразие движений ведет к отупению человека. На это же указывает и Толстой. Отсюда можно заключить, что люди, познавшие суть жизни, сами будут искать случая, чтобы перейти от умственного труда к физическому.

Мих. Голубович

ТОВАРИЩИ, издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

МАЛАТЕСТА О ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ С БАКУНИНЫМ

(С испанского)

Это было в конце лета 1872 года. Неаполитанские организации делегировали меня и Кафиеро на Конгресс, созывавшийся в Сент-Имье (Швейцария) секциями, вышедшими из повиновения К. Марксу и руководимому им Генеральному Совету. Я был молод, полон сил и решимости для борьбы за спасение рабочего дела, т. е. Интернационала от превращения его карьеристами в политическую лавочку. Сознание, что на Конгрессе я встречусь со многими выдающимися общественными деятелями — ободряло меня и даже льстило мне. Шутка ли: никому неизвестный юноша, и рядом с создателями Интернационала! Особенно я был горд тем, что на Конгрессе встречусь с Бакуниным.

Имя Бакунина хорошо было известно среди итальянских рабочих. В Неаполе ходили о нем настоящие легенды. Говорили, например, что однажды, приехав в Неаполь и попав в среду польских изгнанников, бежавших из России после неудачного польского восстания, Бакунин, при встрече с первым беженцем, вынул из кармана имевшиеся у него деньги и, разделив их пополам, сказал: тебе половина и мне половина. Не успел Бакунин проститься с своим собеседником, к нему подошел второй поляк и тоже начал жаловаться на затруднительное материальное положение. Бакунин опять вынул все оставшиеся у него деньги, разделил пополам и говорит: тебе половина и мне половина. Так он за сравнительно короткий срок раздал все привезенные с собою деньги. Вообще, рассказы об отношении Бакунина к деньгам граничили со сказками. Точно также граничили со сказками рассказы об его исполинской силе. Чуть-ли не львом рисовался этот русский великан, говоривший, между прочим, по-итальянски не хуже, чем по-русски. Как же было не волноваться при мысли о встрече с ним?

Нужно отметить, что в юности я не отличался цветущим здоровьем. Мои родители, мой брат и сестра умерли от болезни легких. Естественно, что некоторые и меня считали кандидатом в армию чахоточных. (Малатеста прожил на свете 79 лет.—Ред.) Чтобы попасть к месту нашего следования нужно было переходить через Сен-Готардский перевал (туннеля тогда еще не существовало). Переход состоялся ночью на почтовых по снегу и при сильном ветре. Я озяб и простудился. Когда прибыли в Цюрих, где жил Бакунин, я сильно кашлял и горел в лихорадке. Бакунин, как только посмотрел на меня, сразу же принялся сооружать нечто вроде постели. Потом он пригласил меня лечь, укрыл теплыми одеялами, дал напиться горячего чаю и порекомендовал мне успокоиться и заснуть. Делал все это он чуть-ли не с материнской нежностью и мягкостью, что меня очень удивило. ибо я уже был привычен к общему мнению, что Бакунин — громовержец. Не громовержцем, а скорее сестрою милосердия он мне показался. Я начал дремать... Бакунин, полагая, что я сплю, говорил шепотом собравшимся: "Жаль, что он так болен. Скоро мы его потеряем. Больше шести месяцев он не проживет." Эта скорбь, эта боязнь потерять меня, эти чуть-ли не материнские заботы, это тепло, которое я почувствовал не только от укрывавших меня одеял, но и от присутствия Бакунина, сделали свое дело: на другой день я встал совершенно здоровым. Нет, я не умру, думал я полу-шутя, полу-серьезно. Разве можно умереть, когда впереди столько работы?

О работах Конгресса я уже писал в другом месте. Хочу лишь добавить, что когда мы шли по главной улице Сент-Имье, то подростки, игравшие на площади, остановили свою игру и начали приветствовать нас криками: "Да здравствует Гарибальди!" Было очевидно, что Бакунина они приняли за Гарибальди.

Бакунин в это время уже заканчивал свой шестой десяток лет. Его здоровье было надломлено тюрьмами и ссылкой. Но такого энтузиаста, такого энергичного человека я, кажется, и потом не встречал даже среди цветущей молодежи. Казалось, что Бакунин горит, кипит, а не действует обычными для человека приемами. Вполне понятно почему и все соприкасавшиеся с ним заражались этим огнем. Пыл моих соотечественников — Фанели, Дельюка, Гамбуцци, Палладино и друг. — после этого мне вполне стал понятен: они ведь были учениками Бакунина. Я тоже стал одним из таковых...

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛИЗМ

Эта статья написана левым социалистом, вследствие чего ее интерес для нас, анархистов, лишь увеличивается. Отсюда видно, что конечный пункт подлинного социализма — анархизм.—РЕД.

В воспоминаниях Нестора Махно есть упоминание о встрече с Лениным в 1918 году. Ленин тогда высказался в том смысле, что анархизм — идея правильная, но что эта проблема не сегодняшнего дня, а завтрашнего, проблема следующего этапа революции. Сказанное Лениным не было, конечно, дипломатическим комплиментом для анархиста Махно. Оно вытекало из существа марксистского учения о государственной власти и диктатуре пролетариата. Марксизм утверждает, что государственная власть родится из собственнических отношений в обществе, из порабощения человека человеком при посредстве частной собственности на средства производства. Стоит рабочему классу, который не имеет частной собственности на средства производства, стоит ему, говорили марксисты, взять в свои руки государственную власть, ликвидировать насильственным путем частую собственность на средства производства, и государство отомрет само по себе. Тогда наступит анархический этап революции.

Марксистское учение о власти исходило из примата экономических отношений в обществе над отношениями идеологическими. Над экономическим "базисом," согласно марксистскому учению, вырастают разные идеологические "надстройки," в том числе и государственная власть, вообще власть человека над человеком. Меняется экономический "базис," меняются и "надстройки."

Анархизм возражал марксизму, признавая самодовлеющее значение идеологических "надстроек," а значит и государственной власти. Власть, по мнению анархистов, всегда найдет формулу для своего оправдания, а значит и утверждения. Между прочим, эту мысль подтвердил в 1933 году идеолог сталинского абсолютизма Карл Радек по совершенно другому поводу. Поддавая Сталину надежду в борьбе с оппозицией, Радек писал: "Была бы власть, а формулировка найдется..."

Возражая марксистам, анархисты утверждали, и, как это ни звучит парадоксально, были в этом отношении большими материалистами, чем марксисты, — что человеческая воля, вооруженная даже самой совершенной теорией, не обладает абсолютным иммунитетом от соблазна власти. Другими словами — власть может испортить даже самого закаленного марксиста. И надо сказать, что это утверждение анархистов блестяще подтвердила личная судьба Сталина. Из скромного партийного подпольщика этот человек развился в чудовищное и отвратительное воплощение властолюбца, который устроил, например, пышную свадьбу своей дочери с золотыми блюдами и так далее, на что было израсходовано народных денег более чем миллион рублей. Впрочем, этот тезис анархизма, что власть может испортить всякого человека, большевистские марксисты косвенно признали, осудив сталинский "культ личности."

Анархическая идея безвластнического общества не имела возможности пройти жизненную проверку. Но марксизм жизненную проверку получил в опыте советской революции в СССР и сейчас можно подводить некоторые итоги этой проверки.

Утверждение марксизма (да и не только марксизма) о том, что порабощение человека человеком рождается из частной собственности на средства производства нуждается в добавлении. Частная собственность являлась средством порабощения только на определенном этапе развития человеческого общества. Большевистский опыт дает основание утверждать, что порабощение человека человеком возможно и без частной собственности на средства производства. Достаточно чтобы меньшинство обеспечило за собой возможность распоряжаться материальными средствами всего общества и тогда в бессобственническом обществе узаконится не только эксплуатация человека человеком, но и бесконтрольная власть одних людей над жизнью других. Так сталинская клика в СССР имела, например, возможность в 1933 году выдушить голодом свыше десяти миллионов людей и истребить после второй ми-

ровой войны геноцидом целые народы СССР (немцев Поволжья, крымских татар, северокавказские народы).

В связи с большевистским опытом в несколько ином свете выступает и роль государства в общественном развитии. Марксизм признавал влияние "надстройки" на экономический "базис," но роль государства в СССР превзошла все, что по этому вопросу представлял себе марксизм. Государственная власть в СССР оказалась, во-первых, более могучей и независимой от общества, чем представлялось до сих пор. Во-вторых, эта власть "испортила" всех носителей ее, хотя они и были вооружены марксистским учением о государстве (здесь нашла подтверждение марксистская формула: "общественное бытие определяет сознание"). Наконец, и это самое главное, государственная власть большевистских марксистов имеет тенденцию закрепиться навеки. Эта тенденция нашла свое отражение не только в советской конституции, где записано, что коммунистическая партия является руководящей силой СССР, но и в постоянных утверждениях советских вождей (Булганина, Хрущева и других).

Стремясь к устранению собственнических отношений в обществе путем государственного насилия, Ленин, конечно, не предвидел, что в котле государственной власти переплавится его могучая партия большевиков, что она превратится в главный тормоз на пути к социализму и что в связи с этим в СССР станут вновь чрезвычайно популярными идеи безвластнического учения, то есть идеи анархизма.

В результате переплавки рабочей большевистской партии в партию правящей советской элиты, она перестала быть фактором социализма. Она остановила революцию на полпути, завершая ликвидацию частнособственнических отношений в обществе, но и не допуская перехода бессобственнического общества в социалистическое. Ведь не случайно, что для современного большевизма сущность социализма заключается в постройке наибольшего количества новых фабрик, а не в перестройке человеческих отношений на социалистических началах. Но в таком случае Соединенные Штаты Америки к социализму ближе, чем СССР, так как фабрик там значительно больше. Задача советской бюрократии заключается в том, чтобы использовать бессобственнические отношения для утверждения в СССР нового эксплоататорского строя, основанного на государственной собственности на средства производства.

Борьба за социализм в СССР становится теперь в плоскость борьбы всего трудящегося народа с эксплуататорским классом партийной бюрократии; в плоскость борьбы за свержение этой бюрократии, за из'ятие национализированных средств производства из ее рук и передачу их рабочим; за ликвидацию государственной власти, бюрократии, и замену насильственного государственного управления самоуправляющейся общиной трудящихся.

В этой борьбе большую услугу трудящимся могут оказать старые идеи анархизма. Рост интереса к идеям анархизма в СССР является реальным фактом. Не так давно возвратившиеся из СССР немецкие военнопленные рассказывают очень интересные факты об оппозиционных течениях там, о близости этих течений к анархическим идеям. В печатных выступлениях (например Шольмера) говорится о существовавшей в Москве еще при жизни Сталина подпольной студенческой организации, которая называлась "Истинное Дело Ленина" (ИДЛ). Участниками организации были преимущественно дети партийных вельмож, что обыкновенно бывает на заре всякого освободительного движения, когда пионерами его являются выходцы из среды господствующих классов. Члены ИДЛ интересовались учением Маркса, Ленина, Бакунина, Кропоткина. С точки зрения догматиков определенной доктрины, такое сочетание Маркса с Бакуниным или Ленина с Кропоткиным может показаться поверхностным эклектизмом, но в действительности в основе этого сочетания лежит глубокая и правильная мысль. Молодые студенты не потому назвали свою организацию ИДЛ, что их с юных лет пичкали "ленинизмом." Нет, это название они взяли как вызов, как утверждение того факта, что новый бюрократический строй СССР давно порвал с "истинным делом" и Маркса, и Ленина, которые никогда не увековечивали государства.

Но так как в самом марксизме идея отталкивания от государства совершенно не

разработана, а, наоборот, обстоятельно разработана идея использования государственной власти для "эксплоатации экспроприаторов" (хотя бы в работе Ленина "Государство и революция"), то молодые студенты из ИДЛ обратились также к богатейшему источнику антигосударственных идей — к анархизму. Отсюда интерес "идэловцев" к учению великих теоретиков анархизма — Бакунина, Кропоткина и других. Потому что только оттуда можно позаимствовать мощное оружие в отталкивании от государственного насилия, даже и в том случае, если в прошлом это оружие было мало применяемым. Ведь и учение социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Роберта Оуэна было тоже в свое время "утопическим." Между тем, без этого учения был бы невозможен и так называемый научный социализм.

Студенческая подпольная группа ИДЛ была ликвидирована еще при жизни Сталина и ее участники получили суровое наказание, главным образом по 25 лет каторги (на каторге их и встречали немецкие военнопленные). Но несомненным является, что это было только начало великого антигосударственного движения в СССР, которое, как показал опыт ИДЛ, не обойдется без идеологического оружия анархизма.

Другим фактом, свидетельствующим о мощных антигосударственных настроениях в СССР является массовое религиозное сектанское движение. Это движение является поистине народным и в нем почти совершенно отсутствует интеллигенция. В этом движении очень много темноты и предрассудков, позаимствованных отчасти даже от ретроградного русского православия. Но главное не в этом. Главное в том, что могучее сектанское движение в СССР, охватывая миллионы людей, стоит на позициях христианского коммунизма, отрицая частную собственность и государственное насилие человека над человеком. Этому движению не хватает только идейных вождей, чтобы оно превратилось в мощную непобедимую силу.

Религиозный характер антигосударственного коммунистического движения в СССР дело не случайное и одними предрассудками объяснить его нельзя. Дело в том, что господствующий класс бюрократии, против которой фактически направлено это движение, приспособил марксистскую философию диалектического материализма не для научных споров о религии, а для свирепого полицейского преследования верующих. На примере борьбы с религией в СССР можно видеть реакционно-узурпаторскую сущность бюрократического строя. Современные религиозные люди в СССР — это не старые реакционные кликуши православия, это протестанты, борцы против государственного насилия над человеком, которые обратились к Богу прежде всего потому, что слишком отвратительно и ужасно духовное обличье "безбожного" классового врага — бюрократии. Можно не сомневаться, что с победой в СССР свободного безгосударственного строя, религиозный фанатизм исчезнет.

Итак, мы стоим на заре могучего антигосударственного движения в СССР, которое не может победить, не использовав мощного идейного арсенала анархического учения. И задача анархистов-эмигрантов найти дорогу к этому движению на родине и внести свою лепту в его идейное вооружение.

И. М.

ЗМЕЙ, ЖАЛЯЩИЙ СВОЙ ХВОСТ

ОТ РЕД.: Это стихотворение было написано анархистом вскорости же после русской революции. Автор стихотворения уже тогда предвидел то, что мы сейчас видим воочию.

В дни революции народ сорвал гербы,
Орлы и царские короны. —
Так факел, поднятый десницею толпы,
Сжигает грозные законы.

И на домах, где был трехцветный флаг,
Повешены лиловые знамена:
Все дальше, дальше направляет шаг
Народ от сверженного трона.

На каланче пожарной, на тюрьме,
На сером банке, на фабричных зданьях
Алеет днем и шелестит во тме
Стяг, освященный в длительных страданьях.

...То льют дожди, то солнце землю жжет,—
Проходят дни, и месяцы, и годы...
Бьет млатом доверчивый народ,
И увядает алый цвет свободы.

И вновь сияют медные орлы,
И вновь висят державные знамена:
Зовут народ Иуды и ослы
Опять под сень железного закона.

Б. Верхоустинский

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТОЛСТОГО

ОТ РЕДАКЦИИ: Отмечая 130-летие со дня рождения Л. Н. Толстого, мы меньше всего претендуем на "открытие Америки," т. е. провозглашение чего-то нового, до сих пор неизвестного. О Толстом написано много, так много, что "открытие Америки" здесь, пожалуй, немыслимо. (На этом основании один из друзей "ДТП" отклонил предложение написать статью о Толстом.) Наша задача скромнее: представить, хотя бы в самых общих чертах, духовный облик Толстого. Кто такой Толстой, чего он желал, к чему стремился? — вот то главное, чем хотелось бы заполнить эти юбилейные дни. Достичь этого лучше всего, читая то, что написал Толстой. С этой целью мы и помещаем статью Толстого "Чингис-Хан с телеграфом," написанную в конце 1909 года, но в печати появившуюся лишь после русской революции. Все, что Толстой говорит о царском правительстве, — полностью относится и к нынешним правителям Росссии. Между правительством и населением по-прежнему лежит зияющая пропасть недоверия и неприязни. Население страшится правительства, а правительство страшится населения. Хрущев, как и царь, пробегает под усиленной охраной по расчищенным от посторонних лиц дорогам, словно какой-то вор, а не любимец и батюшка страны. Слова Толстого, что царское правительство может лопнуть как мыльный пузырь — оказались пророческими. Никто не вступился за "царя-батюшку." Никто не вступится (когда время придет) и за теперешних "царей-батюшек." Населению они не нужны.

Кроме духовного облика, многих до сих пор интересуют причины, заставившие Толстого стать "Толстым," т. е. известным философом и моралистом. Этих причин касается Кропоткин в своей статье "Перелом в жизни Толстого, которую мы ниже приводим. Кропоткин считал Толстого самым любимым человеком в мире.

Заметка о дочери Толстого несколько портит настроение, создавшееся после чтения этих двух интересных статей, но ее (заметку) пришлось поместить, ибо дочь Толстого, прикрываясь именем и славой своего отца, делает не "толстовские" дела. Толстой порицал порочные порядки царской России, дочь же его их оправдывает...

***

ЧИНГИЗ-ХАН С ТЕЛЕГРАФОМ

Неизданная статья Л. Н. Толстого

"Государство, основанное на расчете и скрепленное страхом, представляет из себя сооружение и гадкое, и непрочное," — говорит где-то Амиель. С этим нельзя не согласиться вообще и можно это понимать разумом, но кроме этого понимания можно испытывать всем существом своим чувство отвращения и ужаса перед таким сооружением, когда живешь в нем, и вся гадость и непрочность этого сооружения ничем не прикрыты. И это то самое чувство испытывается теперь в России огромным большинством 150 миллионного народа.

Хорошо, когда гадость и непрочность этого сооружения искусно скрыты от людей словами, укоренившимися в поколениях людей, хитрыми софизмами — главное, когда люди так заплетены, захвачены в эти сооружения своими личными расчетами тщеславия, корысти, что они не видят уже, не хотят, не могут видеть всего безумия, несправедливости, жестокости этого сооружения и, коснея в своем рабстве, воображают, что все приспособления этого сооружения, — суды, полиция, войска, министерства, главное — парламенты, суть необходимые и благодетельные учреждения, обеспечивающие их безопасность и свободу. Такие люди искренне верят, что они настолько свободны, насколько люди могут быть свободны, и что те учреждения, которые держат их в рабстве, неизбежные условия жизни всех людей, и что если нужно изменять в них что либо, то только некоторые подробности, в общем же все так, как и должно быть и не может быть иначе. Так не могут не думать и думают англичане, американцы, французы, немцы.

Но мы, русские, к несчастью, или скорее к счастью, в особенности в настоящее время, как ни стараемся, а не можем думать и чувствовать так. Мы, русские, теперь в огромном большинстве своем, всем существом своим сознаем и чувствуем, что все то государственное устройство, которое держит, угнетает и развращает нас, нам не только не нужно, но есть нечто враждебное, отвратительное и совершенно лишнее, ни на что не нужное.

Для всякого теперь в России не только

мало-мальски мыслящего человека, но самого малодумающего, безграмотного человека совершенно ясно, что кроме всех обычных бед, нарушающих спокойную жизнь человека, он, непрестанно испытывает лишения и страдания и находится в совершенно исключительно бедственном положении, причина которого одна — деятельность правительства, которая с самых разных сторон с неумолимой грубостью и жестокостью, без всякой надобности, не переставая, мучает и давит его, если только он сам не поступает в число тех некоторых людей, которые давят всех.

С одной стороны, русский человек нашего времени особенно живо чувствует это давление потому, что правительство, не встречая более препятствий, с полной бесцеремонностью и наглостью давит, душит, убивает, запирает, ссылает всех, дерзающих не только противиться, но поднимать против него протестующий голос. С другой же стороны, особенно живо чувствует русский люд жестокость, грубость и безудержный деспотизм правительства еще и потому, что в последнее время, поняв возможности более свободной, чем прежняя, жизни, русские люди сознали, хотя отчасти, себя разумными существами, имеющими право руководиться каждое в своей жизни своим разумом и совестью, а не волею случайно попавшего на место властвующего того или другого неизвестного ему человека.

Насколько становилась жесточе, грубее, бесконтрольнее власть правительства, настолько усиливалось и уяснялось в народе сознание безумия, невозможности продолжения такого состояния. И оба явления: и безудержный деспотизм власти, и сознание незаконности этой власти, усиливаясь с каждым днем и часом, дошли в последнее времмя до высшей степени. Но, несмотря на ясное сознание большинством народа ненужности и зловредности правительства, народ не может освободиться от него силою, вследствие тех практических приспособлений: железных дорог, телеграфов, скорострельных машин и др., владея которыми правительство может всегда подавлять всякие попытки освобождения, делаемые народом.

Так что в настоящее время русское правительство находится вполне в том положении, о котором с ужасом говорил Герцен. Оно теперь тот самый "Чингиз-Хан с телеграфами," возможность которого так ужасала его. И Чингиз-Хан не только с телеграфами, но и с конституцией, и с двумя палатами, прессой и политическими партиями.

"Деспотизм? Помилуйте, какой деспотизм, когда у нас две палаты, блоки, партии, фракции, запросы, президиумы, премьер, кулуары, — все, как должно! Какой же деспотизм, когда есть и Хомяков, и Маклаков, и ответственный министр! Есть. Свод Законов, и суды — и гражданские, и уголовные, и военные, есть цензура, есть церковь — митрополиты, архиреи, есть академии, университеты: какой же деспотизм!"

То, что все это есть только подобие того подобия, которым в Европе обманывают людей, и что в России уже никого, кроме участников, не обманывают в настоящую минуту, — не важно для Чингиз-Хана, в лице русского правительства, так как у него есть другие средства. И он продолжает спокойно делать свое дело, надеясь, что, как это произошло и происходит во всех, так называемых, христианских странах, народ привыкнет, сам втянется и запутается в этих делах, и Чингиз-Хан остается Чингиз-Ханом только не с ордой диких убийц, а с благовоспитанными, учтивыми, чистоплотными убийцами, которые так сумеют устроить разделение труда, что грабежи, убийства людей будут одно удовольствие и доступны самому утонченному, чувствительному человеку.

Так смертоубийства, называемые казнями, совершаются не просто, а перед каждым таким убийством сходятся люди в мундирах, садятся на кресла и на столе, покрытом сукном, что-то пишут и говорят, и с этой процедурой убивают от трех до семи человек в день.

Нынче, 25 ноября, было 12 явных опубликованных приготовлений к убийствам (приговоров) и пять убийств. И это — в продолжение четырех-пяти лет, или больше. Дамы говорят: "Это ужасно! Я никогда не могу читать без содрогания!" Мужчины со свойственным своему полу мужеством и разумностью внушают дамам, что это необходимо для общего блага. В газетах ужасаются на эти продол-

жающиеся казни. Важные чиновники и члены Думы, заявляя свою либеральность, говорят, что пора бы окончить эту Бойню. Но заведующие этой бойней улыбаются на эту сентиментальность. Они знают, как это неизбежное, необходимо и благодетельно. "Погодите, — говорят они, — придет время, и мы перестанем." Но им не зачем переставать — все идет прекрасно и, очень может быть, что идет все так прекрасно только благодаря этим "разумным" мерам. Так зачем же отказываться от них. Так насчет убийств, совершаемых властями.

То же и по отношению к заключенным в тюрьмах. Тюрьмы переполнены, недостает места. Мрут от тифов, бегут, бунтуют, убивают самих себя. Но власти знают, что это полезно, по крайней мере уже наверно не вредно, и тоже с известными, приличными делу, сопутствующими разговорами и писанием сажают все новых и новых узников. "Виноваты ли они или не виноваты, это все равно,—все же лучше изъять из жизни человека, от которого может произойти что нибудь неприятное. То, что он посидит года два в тюрьме или умрет там, вреда для нас не будет: а не посади его, может быть, он и в самом деле виновен. Всегда лучше перекланяться, чем не докланяться."

По тюрьмам, построенным на 70 тысяч, больше сотни тысяч человек. Но и этого мало. Чуть есть указание или кому-нибудь покажется, что есть указание на то, что человек может думать и высказывать то, что думает о действиях правительства, — его схватывают в тюрьму и даже без всяких приличествующих делу процедур везут в самые далекие, дурные для жизни, места и там бросают с запрещением уходить оттуда. Хотя и трудно понять, для чего это нужно Чингиз-Хану, но очевидно нужно, потому, что он старательно делает это, даже тратя большие деньги на эти ссылки. Таких несчастных тоже 100 тысяч. Люди эти озлобляются, передают свое озлобление тем мирным людям, которые до их появления не думали о правительстве, но Чингиз-Хану до этого дела нет, у него есть телеграфы, телефоны, скорострельные пушки, револьверы и он не интересуется тем, что думают и чувствуют мучимые им люди.

Но это далеко не все. Самое важное продолжает делаться дома в столицах, в больших городах, в печати и, главное, в школах — от высших до низших. Запрещается все, что только может открыть глаза людям, поощряется все то, что может затемнить, ослепить людей; в печати, в школах и, главное, в религии. Казалось бы, нельзя соединить все, что творилось и творится, с исповеданием религии, называемой христианской, еще менее — оправдать все эти злодейства этой христианской религией; но существует целое сословие людей, которое занято одним этим делом: таким извращением христианства, при котором всевозможные преступления, грабеж (подати, земельная собственность), истязание, убийство, казни, войны считались бы свойственными христианам делами. И кажущееся невозможным дело совершается. Совершается то, что Христос бог — делатель самых странных и ненужных чудес и что, веруя в этого Христа, надо верить и в чудеса, происходящие от воображаемой царицы небесной, мощей, икон и т. п. Все это передается как священная истина, и, рядом с этим, как столь же священная истина, внушается и рабское подчинения Чингиз-Хану. Совершается этот ужасный обман над взрослыми и с особенным рвением, упорством и наглостью над подрастающим поколением, под видом обучения вопиющей лжи, называемой законом божиим. На каждом экзамене закона божьего — а через такие экзамены проходят все дети — происходит следующее:

СВЯЩЕННИК: Возможно ли убийство в христианском законе?

УЧЕНИК: Нет.

СВЯЩЕННИК: Всегда не дозволено?

УЧЕНИК: Нет, не всегда.

СВЯЩЕННИК: Когда-же оно дозволено?

УЧЕНИК: Дозволено в случае наказания за преступление и для защиты отчества.

И это всегда на всех экзаменах.

И нет ни одного русского грамотного человека во всей империи, который в том возрасте, когда он еще не может рассуждать, не прошел бы через эту клевету на Бога, на Христа, на разум человеческий. И Чингиз-Хан, в лице "просвещенного" правительства, дает награбленные с народа деньги на народные школы, долженствующие распространять такое чингизханское просвещение.

Так телесно и духовно угнетался и угнетается русский народ. "Чингиз-Хан с телеграфами" был спокоен и надеялся, что теперь, когда есть конституция, и Хомяков, и Маклаков, и президиумы, и правые, и, левые, и середина, и Гучков, и духовенство, и союзы русского народа, и пресса, и школы, и что, если не жалеть награбленных денег на шпионов, и на тюрьмы, суды и виселицы для взрослых, и на преподавание, распространение и поддержание клеветы на христианское учение под названием закона божьего для детей, то все будет итти по-старому, и различие Чингиз-Хана с телеграфами от прежнего будет только в том, что новый Чингиз-Хан — теперешнее правительство — будет еще могущественнее старого.

Но, к несчастью Чингиз-Хана и к счастью русского народа, Чнгиз-Хан ошибся.

Оттого ли, что слишком глупы или грубы были слуги нового Чингиз-Хана и их дела; оттого ли, что в своих насилиях они перешли тот предел, дальше которого люди не могут переносить свое порабощение и издевательство над их разумом; оттого ли, что железные дороги, телеграфы, пресса и проч., с одной стороны, предоставляя могущественное орудие в руках Чингиз-Хана, с другой стороны, соединяют людей в одном и том же сознании; оттого ли, что русскому народу большинству, настоящему крестьянскому народу, не развращенному еще школами, свойственно понимание христианского учения в его истинном значении, признающем равенство и братство людей, не допускающее не только убийства, но и насилия друг над другом, или еще от чего, но несомненно одно то, что в настоящее время русский народ, настоящий русский народ, вследствие совершенных и совершаемых над ним преступлений, потерял не только уважение к своему правительству, но и веру в необходимость какого бы то ни было правительства и что скоро окажется, что он не может уже быть принужден повиноваться существующему правительству и участвовать в мерзких делах его.

Недавний проезд царя на юг со всеми сопутствовавшими ему отвратительными подробностями был, как мне кажется, очевидным подтверждением этого. Этот проезд, где он происходил, вызвал одно и то же чувство сознания очевидной ненужности, а потому и вредности царя и всех его помощников.

Едет царь, тот человек, который стоит во главе правительства, о котором предполагается, что он признается всем народом своим владыкой, — что он тот человек, который своей властью может облагодетельствовать и отдельные лица, и общества людей, и целые сословия, — что это лицо — священное для всех людей русского народа. Кроме того, предполагается, что этому человеку для себя ничего не нужно и что он стоит выше всяких желаний и страхов. Казалось бы что к такому лицу, как это и было прежде во времена Николая I, может быть только одно чувство: желание видеть, желание просить тех или иных благодеяний, желание выражения своей благоговейной преданности и любви, и что роль всех окружающих царя, только одна — удерживать в пределах порядка восторженную толпу, стремящуюся к этому предмету своего благоговейного поклонения. Так это должно быть, с точки зрения самодержавия, так это и было когда-то. И что же теперь? Едет царь с своими помощниками, приближенными ему людьми, исполнителями его воли, — и все они, зная, что в народе, которым они властвуют и среди которого им нужно проехать, тысячи, десятки тысяч людей, ненавидящих царя и их и всячески старающихся убить их, — люди эти, в ограждение себя и царя от этой ненависти, устраивают на всем протяжении тех мест, по которым они проезжают, тройные, четверные ряды тайных и явных охранителей. Едет царь по своему царству, и три линии солдат, полиции, наряженных крестьян, бесплатно оторванных от своих работ, стоят день, два, неделю, другую, ругая виновника их положения, ожидая проезда. День проезда умышленно не определяется для того, что бы желающие убить царя не могли знать, когда он проедет. Для этой цели едет не один царский поезд, а несколько, так что никто не может знать, какой настоящий. И вот, наконец, украдкой, как беглец и преступник, пролетает человек между трех рядов охраны. Никто не видит его, кроме для приличия представляющихся ему в городах, где он останавливается, чиновников и важных лиц, при

тех же предосторожностях охраняющих его от покушений на его жизнь, за которую всегда и везде не могут не бояться.

Ведь предполагается, что молчаливым согласием народ признает необходимость и благодетельность власти. Если же оказывается, что эта царская власть поставила себя в такое положение к народу, что не смеет уже показаться ему, а прячется от него и пробегает мимо него, как вор от тех, кого он обворовывал, так зачем же эта власть? Зачем она, если положение этой власти поддерживается уже не признанием народа ее необходимости, а насилием, ружьями и шашками, а сама власть прячется от народа?

Вот это-то становилось все более и более ясно и теперь стало уже совершенно ясно огромному большинству народа. На что же царь, коли он прячется? А если прячется, то верно не даром, а значит чувствует, что ему нельзя не прятаться после того, что он делает или делал. Так думает огромное большинство. Не говоря уже о всех вешаемых, заключенных, сосланных, из которых большая доля невинных, — а их десятки тысяч, и у всех их так же, как у всех убитых есть отцы, матери, братья, сестры, жены, друзья, которые не могут не ненавидеть виновника и виновников их горя, — но не говоря об этих сотнях, тысяч людей, имеющих такие естественные причины для ненависти к царю и его помощникам, главная масса народа — крестьяне, все крестьяне, за исключением малого числа загипнотизированных людей,— все крестьяне, доведенные теперь лишением земли до положения худшего, чем то, в котором они были 50 лет тому назад,— крестьяне, ожидавшие освобождения от своего земельного рабства, худшего теперь, чем рабство крепостное, — не могут не смотреть все больше и больше на царя, виновника этой созданной им несправедливости, с такими же самыми недобрыми, враждебными чувствами, как и те чувства, которые питают к царю и его помощникам все десятки или сотни тысяч непосредственно пострадавших и страдающих от их жестокостей. Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства, все всегда разбивалось о закоснелость царского правительства, которое, как будто в насмешку над их законными требованиями, дало им закон 9 ноября, вносящий еще только новое зло в их отчаянное положение. И поэтому нельзя царю и его помощникам не бояться ненавидящих правительство крестьян, не бояться их доходящего до ненависти раздражения за неуслышанное их страдание и за неисправление той возмутительной неправды, от которой они страдают.

Правда, есть у несчастного царя люди, которые уверяют его в преданности к нему всего народа, в твердости той веры в Бога и рядом в царя, которая когда-то была в народе. Но люди эти — разные патриотические союзы русского народа и т. п. — сами не верят тому, в чем они уверяют царя, своей наглой ложью только отводят ему глаза от его действительного положения. Так что, веря им, несчастный царь, продолжая свою грубую деятельность, этой самой деятельностью насилия разрушает в конце последние основы, на которых могла бы держаться его власть.

Сознание ненужной, бессмысленной и вредной царской власти становится теперь более или менее очевидным огромному большинству народа. Трудно предвидеть, какие будут последствия этого сознания, но последствия эти, и непременно губительные для правительства, не могут не быть.

Может быть, — как это ни мало вероятно, но все-таки может быть, — что власть, пользуясь своими внешними материальными средствами, продержится еще некоторое время. Может быть и то, что опять вспыхнет революция, которая опять будет подавлена, так как средства борющихся слишком неравномерны. Но в обоих случаях неизбежно будет то, что сознание ненужности и преступности правительства будет делаться все яснее и яснее людям русского народа и сделается то, что огромное большинство людей не будет уже в состоянии, — не в виду каких-либо внешних целей, а только потому, что это будет мучительно их нравственному сознанию,— не будет уже в состоянии повиноваться правительству, исполнять те его безнравственные требования, которыми оно держится. А как только это будет, как только прекратится соединение людей, отстаивающих свое положение рядом не переста-

ющих преступлений,—так неизбежно прекратится повиновение такой власти и то участие в деятельности правительства, которое одно поддерживает его.

"От меня требуют участия в делах правительства, — скажет себе освободившийся от правительственного обмана человек, (а освобождение это совершается теперь в тысячах и тысячах людей), — требуют от меня участия в делах административных, судебных, педагогических, полицейских; требуют моего участия в военной службе; но зачем же я буду делать все это, когда я знаю, что все эти дела лишают меня и моего достояния, и моей свободы, главное же делают меня участником в делах, противных и здравому смыслу и требованиям самой первобытной нравственности?"

Так что для людей, понявших то, что повиновением власти они сами порабощают себя, лишают себя самых первых и духовных благ, отношение к власти может быть только одно, такое, при котором человек на все предъявляемое к нему требования правительства всегда отвечает только одно: "Со мной, — отвечает такой человек,—можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите: запирать, ссылать, казнить. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то, что не могу и не буду участвовать во всех дурных делах ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне."

Такое отношение к тому, что называется русским правительством, уже живет теперь в сознании большинства русских людей, а продолжись еще некоторое время безумная, бесчеловечная и грубо-жестокая деятельность этого правительства, и то, что теперь в сознании, неизбежно перейдет и в дело.

А перейдет это сознание в дело, т. е. перестанет большинство людей повинуясь правительству, участвовать в его преступлениях, и само собою без борьбы падет то ужасное, отжившее русское правительственное устройство, существование которого уже давно не соответствует нравственным требованиям людей нашего мира.

6 декабря 1909 года.

Л. Толстой

***

ПЕРЕЛОМ В ЖИЗНИ ТОЛСТОГО

(Отрывок из книги о русской литературе)

Всем известно, каким глубоким изменениям подверглись взгляды Л. Н. Толстого на сущность жизни в 1875-1878 годах, когда он достиг приблизительно пятидесятилетнего возраста. Я думаю, что никто не имеет права обсуждать публично сокровенные душевные движения другого человека; но сам рассказавши о своей внутренней драме и о борьбе, которую он пережил, великий писатель, так сказать, пригласил нас проверить правильность его умозаключений, а потому, ограничиваясь тем психологическим материалом, который он сам дал нам, мы можем обсуждать пережитую им борьбу, без грубого вторжения в область чужих мыслей и поступков.

Перечитывая ранние произведения Толстого, мы постоянно наталкиваемся в них на зачатки тех самых идей, которые он начал проповедывать позже. Философские вопросы и вопросы о нравственных началах жизни интересовали его с ранней юности. В шестнадцатилетнем возрасте он уже любил читать философские произведения; в университетские годы и даже в "бурные дни страстей" вопросы о том, как мы должны жить — вставали перед ним с глубокой серьезностью. Его автобиографические повести, в особенности "Юность," носят глубокие следы этой скрытой умственной работы, хотя, как он говорит в "Исповеди," он никогда не высказывался вполне по этим вопросам... Он всегда был поклонником и последователем Руссо, а в его статьях о воспитании можно найти очень радикальные взгляды на большинство жгучих социальных вопросов, которые он обсуждал позднее. Эти вопросы настолько мучили его, что уже тогда, когда он производил педагогические опыты в Ясно-Полянской школе и был мировым посредником, т. е. в 1861-1862 годах, он чуствовал такое отвращение в неизбежной двойственности своего положения в роли благодетельного помещика, что, по его словам, "он бы тогда, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому пришел через пят-

надцать лет, если бы у него не было еще одной стороны жизни, неизведанной еще им и обещавшей ему спасение, а именно, семейной жизни." Другими словами, Толстой еще тогда был близок к отрицанию взгляда привилегированных классов на собственность и труд, и мог бы присоединиться к великому народническому движению, которое тогда начиналось в России... если бы не мираж семейной жизни и семейных интересов...

Искусство, несомненно, также отвлекло его внимание от социальных задач или, по крайней мере, от экономической их стороны... Созидая "Войну и Мир," а затем "Анну Каренину," Толстой, несомненно, должен быть чувствовать себя удовлетворенным, сознавая полезность своей работы... Но это могло продолжаться недолго. Дописывая последние страницы "Анны Карениной," Толстой начал вполне сознавать — насколько его собственная жизнь противоречит идеалам его юности.

В душе великого писателя должна была происходить страшная борьба. Коммунистические тенденции, заставившие его напечатать курсивом мораль эпизода с певцом в "Люцерне" и разразиться горячим обвинением против цивилизации имущих классов; направление мыслей, продиктовавшее суровую критику частной собственности в "Холстомере"; анархические идеи, приведшие его, в Ясно-Полянских статьях об образовании, к отрицанию цивилизации, основанной на капитализме и государственности; а с другой стороны — его личные взгляды на свою частную собственность, которые он пытался согласовать с своими коммунистическими склонностями (см. разговор двух братьев Левиных в "Анне Карениной"); отсутствие симпатии к партиям, находившимся в оппозиции к русскому правительству и, в то же время, его глубоко коренящееся отвращение к этому правительству; его поклонение аристократизму и, вместе с тем, уважение к крестьянскому труду, — все эти порывы должны были вести непримиримую борьбу в уме великого писателя, со всею напряженностью, свойственной его гениальному таланту. Его постоянные противоречия были настолько очевидны, что в то самое время, когда менее проницательные из русских критиков и крепостнические "Московские Ведомости" зачисляли Толстого в реакционный лагерь, талантливый критик Н. М. Михайловский напечатал в 1875 году замечательные статьи под заглавием: "Десница и шуйца графа Толстого," в которых он указал, что в великом писателе ведут постоянную борьбу два различных человека. Михайловский, большой поклонник Толстого, анализировал прогрессивные идеи, высказанные Толстым в его педагогических статьях, и сопоставил их со странными консервативными взглядами последующих произведений. В заключение, Михайловский предсказывал кризис, к которому великий писатель неизбежно приближался.

> "Я не намерен подробно трактовать об "Анне Карениной," — писал Михайловский... — Скажу только, что в этом романе... яснее, чем где-нибудь, отразились следы совершающейся в душе автора драмы. Спрашивается, как быть такому человеку, как ему жить, как избежать той отравы сознания, которая ежеминутно вторгается в наслаждение удовлетворенной потребности? Без сомнения, он, хотя бы инстинктивно, должен изыскивать средства покончить внутреннюю душевную драму, спустить занавес, но как это сделать? Я думаю, что если бы в таком положении мог очутиться человек дюжинный, он покончил бы самоубийством. Человек недюжинный будет, разумеется, искать других выходов... Драма, совершающаяся в душе графа Толстого — моя гипотеза, но гипотеза законная, потому что без нее нет никакой возможности свести концы его литературной деятельности с концами" (Сочин. т. 3, стр. 491).

Догадка Михайловского оказалась пророчеством. Толстой вскорости после этого начал вполне сознавать пустоту и двойственность жизни, которую он до тех пор вел. "Со мною, — говорит он, — стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты — сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не не знал, как мне жить, что мне делать... Ну, хорошо, — говорил я себе, — у меня будет 6,000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом что?.. И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше." Литературная слава потеряла привлекательность после того, как Тостой достиг ее вершин. Филистерское семейное счастье было испытано и не удовлетворяло больше. Эпикурейская жизнь, которую Толстой раньше вел, потеряла всякий смысл. "Я почувствовал, — говорит Толстой в "Исповеди" — что то, на чем я стоял, подломилось, что мне стоять

не на чем, что того, чем я жил, уже нет, что мне нечем жить. Жизнь моя остановилась... Если бы пришла волшебница и предложила мне исполнить мое желание, я бы не знал, что сказать... Даже узнать истину я не мог желать, потому что я догадывался, в чем она состояла. Истина была та, что жизнь моя есть бессмыслица."

Толстой не обладал, говоря его словами, "нравственною тупостью воображения," которая требовалась для спокойной эпикурейской жизни среди окружающей нищеты; но в то же время, подобно Шопенгауэру, он не обладал волей, проявление которой было необходимо для согласования его поступков с указаниями его разума. Самоуничтожение, смерть — являлась поэтому единственным разрешением задачи.

Но Толстой был черезчур сильным человеком, чтобы покончить свою жизнь самоубийством. Он нашел выход, и этот выход выразился в возвращении к той любви, которую он питал в юности: **любви к крестьянской массе.** Он понял, наконец, что смысла жизни надо искать среди миллионов, которые всю свою жизнь проводят в труде, и он начал с большим вниманием, чем прежде, изучать жизнь этих миллионов. Чем больше он вникал в их жизнь, прошлую и настоящую, тем больше он любил их и "тем легче мне самому становилось жить." Что же касается жизни людей его собственного круга — богатых и ученых — (а вращался он в круге Каткова, Фета и подобных господ) она ему "не только опротивела, но потеряла всякий смысл." Он понял, что если он не видел цели жизни, то причиной этого была его собственная жизнь "в исключительных условиях эпикурейства," заслонявшая перед ним правду.

"Я понял, — продолжает он, — что мой вопрос о том, что есть моя жизнь, и ответ: зло — был совершенно правилен. Неправильно было только то, что ответ, относящийся ко мне только, я отнес к жизни вообще. Я спросил себя, что такое моя жизнь, и получил ответ — зло и бессмыслица. И точно, моя жизнь — жизнь потворства, похоти — была бессмыслена и зла. Но это относится только к моей жизни, а не к жизни людской вообще." Далее Толстой указывает, что даже животные трудятся для продолжения своей жизни. "Что же должен делать человек? — спрашивает Толстой, и отвечает:—Он должен точно также добывать жизнь, как и животные, но с тою только разницей, что он погибнет, добывая один. Ему надо добывать жизнь не для себя, а для всех... Я же не только не добывал жизни для всех, я и для себя не добывал ее. Я жил паразитом, и спросив себя зачем я живу — получил ответ: ни зачем."

Таким образом, убеждение, что он должен жить, как живут миллионы людей, зарабатывающих на жизнь трудом, что он должен работать, как работают эти миллионы, и что такая жизнь является **единственным** возможным ответом на вопросы, которые привели его в отчаяние; единственным путем, идя по которому можно избежать тех противоречий, которые заставили Шопенгауэра проповедывать самоуничтожение, а Соломона, Сакия-Муни и других приводили к проповеди отчаянного пессимизма, — это убеждение спасло Толстого и возвратило ему утраченную энергию и волю к жизни.

Толстой рассказал нам в замечательной книге "Так что же нам делать?" о впечатлениях, которые на него произвел "босяцкий" квартал Москвы в 1881 году и о влиянии, которое эти впечатления имели на дальнейшее развитие его мыслей. Но в точности еще неизвестно — каковы были факты и впечатления действительной жизни, которые заставили его в 1875-1881 годах с такой остротой почувствовать пустоту той жизни, которую он до тех пор вел. Не будет ли с моей стороны большой смелостью — сделать предположение, что то же движение "в народ," которое вдохновило стольких русских юношей и девушек идти в деревни и на фабрики, и жить жизнью трудящегося народа, заставило и Толстого, в свою очередь, задуматься над своим положением в роли богатого помещика?.. Будь Толстой двадцатилетним юношей, весьма вероятно, что он примкнул бы в какой-нибудь, той или иной форме, к движению, несмотря на все препятствия, стоявшие на его пути. Но в его лета, в его обстановке, и, в особенности, когда его ум был занят вопросом, — "Где тот рычаг, которым можно было бы двинуть человеческие сердца? Где источник глубокого морального перерождения для каждого в отдельности?" — Толстой должен был вести долгую и упорную борьбу с самим

собою, прежде чем он вышел на эту дорогу. Для молодежи уже одно указание, что всякий, получивший образование, благодаря работе трудящихся масс, должен расплатиться с ними, работая для них,—этого простого указания было достаточно. Юноши и девушки бросали богатые дома родных, жили самой простой жизнью, мало в чем отличавшейся от жизни рабочих, и посвящали себя, как умели, народу. Но по многим причинам — образованию, привычкам, окружающей его среде, возрасту и, может быть, также вследствие великого общефилософского вопроса, которым был занят его ум, — Толстому пришлось очень много и тяжело перестрадать, прежде чем он пришел к тем же самым заключениям, но иным путем.

Как только, однако, он пришел к этим заключениям, Толстой не замедлил согласовать свою жизнь с ними. Препятствия, которые он встретил на этом пути, прежде чем он мог последовать внушением своей совести, — вероятно, были громадны: мы можем лишь догадываться о них. Легко себе вообразить софизмы, с которыми ему приходилось бороться, в особенности, когда все, понимавшие значение его громадного таланта, начинали протестовать против того осуждения, с которым он стал относиться к своим прежним литературным трудам. Можно лишь радоваться силе его убеждений, когда он так рещительно изменил жизнь, которую вел до тех пор.

Маленькая комнатка, которую он занял в своем богатом доме, известна всем по общераспространенным фотографиям. Толстой за плугом (картина Репина) обошел весь мир, при чем правительство сочло эту картину настолько опасной, что распорядилось снять ее с выставки. Ограничиваясь в питании самым необходимым количеством очень простой пищи, он, пока позволяли ему физические силы, старался зарабатывать и эту пищу физическим трудом. И в эти последние годы своей жизни, — говорит он, — он написал более, чем в годы своей величайшей литературной производительности.

П. Кропоткин

***

Полным диссонансом с вышеприведенным звучат слова дочеры Толстого, Александры Львовны, выступившей с открытым письмом против издателя журнала "Лайф" ("Н. Р. С.," фев. 1, 1958). Сыр-бор загорелся из-за иллюстрированных статей о русской революции, появившихся на страницах этого журнала. Как водится, в статьях, а тем более в иллюстрациях, была допущена "клюква": прежний, дореволюционный быт России был подан в карикатурном виде. (Без этого американцы никогда не обходятся.) Выводить "клюкву" на чистую воду — занятие вполне похвальное. Беда лишь, что выступившие с протестом против "клюквы" — потомки и единомышленники того самого Каткова, с окружением которого Толстой в конце своей жизни окончательно порвал — сами допустили "клюкву": снимая темные пятна с быта России, они старательно разукрасили этот быт исключительно светлыми пятнами.

Толстая взяла на себя роль реставратора крестьянского быта. По ее словам, крестьяне, даже в самых бедных местностях страны, имели коров, овец, кур и т. д., и питались мясом, молоком, яйцами, кашей и подсолнечным маслом, а не одним хлебом и овощами, как написано в "Лайф." Избы их состояли из двух комнат — светлой и той, где производилась нужная работа. В последнюю комнату иногда — в трескучий мороз — приносили ягнят или телят, но крестьяне никогда не жили вместе с скотом, как передают авторы статей.

Многие читатели "ДТП" родились и выросли в деревнях и они могут горько разочаровать Толстую, оставившую своего отца и вернувшуюся в лагерь потомков Каткова. Заготовка сена, обычно, начиналась после Тройцы, в петров пост. Сенокосы находились в большинстве случаев (по крайней мере, на Полессье) на почтительном расстоянии от деревни. Идя на работу, нужно было брать с собой обед. Из чего же состоял этот обед? Уже одно то, что дело происходило в пост свидетельствует, что из обеда косаря должно было исключаться все скоромное. Но если дело было и не в пост, то и тогда в сумке косаря не было бы тех яств, которые так заманчиво описывает Толстая. Не было бы их по той простой причине, что их нигде в доме не было. "Петровки" — самое голодное время было для русского крестьянина.

Обед кормильца и поителя земли русской, (как назвал Некрасов русского кре-

стьянина), состоял из ломтя хлеба, зеленого луку, толщиной в палец, вырванного на огороде с корнем и щепотка соли. Какого качества иногда был этот хлеб, — Толстой, пожалуй, и не снилось. Многие крестьяне в петровки пекли хлеб не из своего зерна, которого к тому времени уже давно не было, а из полученного взаймы из общественных ссыпных магазинов (нечто вроде кассы взаимопомощи). Зерно в этих общественных хранилищах в большинстве случаев было прелое, почерневшее, и изготовленный из него хлеб был горьковат на вкус с затхлым запахом. Вот, питаясь этим хлебом и зеленым луком, обмакнутым в соль, и приходилось крестьянину размахивать косой до наступления сумерк. А придя поздно вечером с работы домой, он находил тот же лук с добавлением картошки. (Иногда, впрочем, в петровки и картошки не было.)

Поэтому утверждение Толстой, что русские крестьяне питались мясом, молоком, яйцами и подсолнечным маслом, а не одним хлебом и овощами — в корне неверно.

Что же касается домов с двуми комнатами, то, возможно, где-нибудь были и такие дома, но были и такие, в которых не то, что двух комнат, но даже кирпичной трубы для отвода дыма не было. Курные избы не выдумка, не "клюква," а действительность дореволюционной России. Не "клюква" и то, что в трескучие морозы в избы вносили ягнят, телят, а если пространство хаты позволяло, то и их родительниц туда же водворяли. Куры, как правило, зимовали в избе под печкой.

Пришлось на выступлении Толстой остановиться не только потому, что этим выступлением создается новая "клюква," но и потому, что Толстая — дочь великого писателя, наиболее любимого, по словам Кропоткина, человека во всем мире. Если бы под открытым письмом, даже в его нынешней редакции, стояла подпись "Александра Столыпина," а не "Александра Толстая," мы не стали бы обращать на него внимания.

Редакция

...Массы требуют от революции: немедленного введения анархического коммунизма и свободной организации производства.

П. КРОПОТКИН

Из ссылки

От Ред.: С падением дома Романовых не прекратилась ссылка в Сибирь. Есть и теперь ссыльные в Сибири, пожалуй, даже больше, чем при царизме. И переживают они, вероятно, то же самое, что переживал автор нижеприводимого стихотворения. Написано это стихотворение в начале нынешнего столетия; впервые в анархической печати оно появилось в "Голосе Труда" в 1912 г.

В далекой Сибири, за правду, за волю
Мы крест свой тяжелый несем.
За благо народа, за лучшую долю
Мы силы свои отдаем.
Для нас нет отрады, нет света, нет счастья,
Нас давит и голод и гнет.
Не знаем мы ласки, не знаем участья, —
Тоска да неволя гнетет...
Нам жутко, нам больно здесь, в снежной могиле
Цветущую жизнь коротать...
Ужели же, братья, вы нас позабыли? —
Спешите-ж нам руку подать.
В стране, хоть и чуждой, там лучше живется,
Чем нам здесь, в могиле живой.
Так пусть же наш вопль в тех сердцах отзовется,
Что кров обрели и покой.
Оборваны, босы, без хлеба, без крова
Печально мы цепи влачим.
Мы терпим... Врагам мы не скажем ни слова, —
От братьев утехи хотим.
Нам жутко, нам тяжко... Здесь с бурею снежной
Хороним мы грезы свои.
В живую могилу за дух наш мятежный,
Нас прочно зарыли враги.
И с уст побледневших мы шлем им проклятья, —
Тиранам, насилью и злу.
Мы знаем, — не даром отдали мы, братья,
За правду свободу свою.
Нам жутко, нам больно здесь в снежной могиле
Мятежную жизнь коротать...
Ужели же, братья, вы нас позабыли? —
Спешите-ж нам руку подать.

МАРИЯ ЛИВШИЦ

* * *

ЗАВЕЩАНИЕ

(Новорожденной)

Племя младое! Себя поздравляю:
Дедушкой, дедушкой стал!
Полное счастье в душе ощущаю,
Долго, друг, этого ждал.
Смена пришла. Жизнь не даром прожита,
Сколько тревог испытал?
Но все уж прошло и все пережито,
Была борьба — не устал.
Детям и внукам своим завещаю:
Совесть и честь соблюдать.
За мир и счастье к борьбе призываю,
В этом смысл жизни и благодать.

А. Ч.

АМЕРИКАНСКИЙ ВОЛЬНОДУМЕЦ

Все живущее не существует всегда
И мертвые люди не воскресают никогда.
Свинборн (1837-1909)

Канун Первой мировой войны. Юнион Сквер нью йоркского Ист-Сайда заполнен массою взволнованной публики. Трибуна ораторов покрыта черным крепом. Урна с прахом трех погибших анархистов. Происходит гражданская панихида. С ораторской трибуны А. Беркман в необычайном возбуждении не говорит, а выкрикивает проклятья, обвиняет, грозит виновникам гибели его трех товарищей. От руки карающей Немезиды не уйдут все эти Рокфеллеры, Карнеги, Мелоны — поработители и эксплоататоры трудящихся. Они вооруженной силою подавляют забастовки, убивают забастовщиков, выбрасывают их семьи из компанейских домов на улицу...

На трибуне новый оратор — Барон, молодой человек, с горящими глазами. В воздух полетели слова точно огненные стрелы: "Наши товарищи погибли, но виновники их смерти развлекаются в дворцах, они проливают рабочую кровь... Месть нашим врагам... против убивающих нас — динамит!.."

К ораторской трибуне пробираются полицейские... Речь прерывается...

От взрыва бомбы на Лексингтон аве. в Нью Иорке погибли три анархиста из группы "Фридом Ассошиэйшен" (свободников): Керни (ирландец), Греб (голландец) и Джонсон (швед). Все трое — участники заговора на жизнь миллиардера Дж. Рокфеллера, которому они хотели отомстить за кровавое подавление забастовки денверских шахтеров* (войсками было убито несколько забастовщиков) и за насильственный разгон уличного митинга — протеста в Теритаун, Н. И., (резиденция Рокфеллера), из которого полиция удалила устроителей митинга — "фридомитов" — А. Беркмана, Р. Далтона, Керни, Джонсона, Греба и В. Дюранта.

Из этих шести лиц только трое — Джонсон, Греб и Керни были причастны к заговору на жизнь Рокфеллера: они смастерили бомбу, и в роковой день Джон и Греб принесли ее, перед отъездом в Теритаун, на квартиру третьего своего сообщника Керни, жившего на Лексингтон аве. в одной комнате с Вильямом Дюрантом. Последний — единственный свидетель катастрофы, контуженный, но не погибший вероятно благодаря счастливой случайности: в момент взрыва он лежал на постели, остальные же трое заговорщиков были на ногах (как это хорошо известно — стоячие цели легче поражаются, чем лежащие).

Вильям (Вилл) Дюрант — известный теперь американский философ и писатель, воспитанник р. к. духовной семинарии, отказавшийся от посвящения в ксендзы и очутившийся в среде безбожников-фридомитов,—в изданной в 1927 г. книге "Трансишен" (Перерождение) рассказал много интересного о своем учении в духовной семинарии, о пребывании в организации "фридомитов," о взрыве на Лексингтон авеню. В группу "фридомитов" входили бунтари, революционеры, вроде А. Беркмана, Э. Гольдман, Л. Бремер, Джонсон и др. и анархисты — сторонники не-насилия: поэтесса Виола Бридж, англичанин Р. Далтон и некоторые другие. Даже А. Беркмана, отбывшего 14 лет тюрьмы за стрельбу в сталелитейного магната, В. Дюрант причисляет к противникам "острых блюд."

Перед отъездом в Теритаун заговорщики заспорили. Дискуссию, по словам В. Дюранта, начал Джонсон.

— Вот подарочек для старика (Рокфеллера), — сказал он, указывая на ящик с бомбою. — Милостивые государи! Позвольте представить вам ее величество — Смерть. Этот маленький черный ящик разрешит все ваши проблемы. Вам не придется больше беспокоиться о квартирной плате домовладельцу, вы избавитесь от надоедливой работы в мастерской, вас снова полюбит ваша жена. С помощью бомбы вы освободитесь от очередной войны и от ада, именуемого миром. Кто хочет получить этот подарочек?

— Джонсон, — взмолился я, пишет Дюрант, — бросьте свою затею... ради самого себя, ради всего движения, к которому мы принадлежим, не делайте этого. Вы отбросите его назад на полвека.

* Забастовка происходила не в Денвере, а в Лудлов, Коло.—РЕД.

— Значит — вы трусите?

— Я не знаю. Я не боюсь смерти, я боюсь убивать!

— Вы лжете. Вы просто этими словами прикрываете свое коварство. Почему вы не отказались на первых порах? Теперь — поздно, придется довести дело до конца.

— Если под этим подразумевать борьбу за свободную жизнь без хозяев, то я готов идти с вами до конца. Но если вы хотите убивать людей, то это безумие.

— Но разве они (капиталисты) не убивают нас?

— Мы должны просветить их, — промолвил я неубедительно. — Эта медленная работа принесет более верные результаты, чем убийства.

Аргументы В. Дюранта не возымели действия. При словах: — Разве не смешно? — мы пришли в этот мир голыми и оставляем его нагими, — заговорщик поднял бомбу над головой и изо всей мочи ударил ею о пол...

Джонсон, Керни и Греб были разорваны на куски, а извлеченного из под обломков В. Дюранта выходили в больнице. Из предсмертного письма Керни к матери власти убедились в непричастности к заговору будущего философа, оставили его в покое.

***

Взрыв на Ленксингтон авс. вызвал у В. Дюранта смятение, новый душевный перелом. Заговорщики изготовили бомбу для Рокфеллера, а взорвали ею самих себя, и чуть не погубили его, Дюранта. Нет, — с террористами ему не по пути. Но не все-же анархисты — сторонники насилия, у "фридомитов" были и мирные люди. П. Кропоткин, например, отвергал организованный террор, "эксы" (по образцу эсэровской боевой дружины), хотя он пошел бы с оружием в руках защищать революцию, или даже воевать с немцами. Но, насилие, воинственные чувства преобладают в людях. Даже католические монахи убивали французских королей; монархисты пытались взорвать миной Наполеона I (ген. Пешегрю и др.), придворные — монархисты задушили двух русских царей, И атеисты и христиане пролили моря крови в братоубийственных войнах...

От "фридомитов" В. Дюрант ушел в философию, превратился в "софиста." Его воскресные лекции в Лейбор Темпл (14-ая улица) в продолжении 13 лет (1914-1927) собирали множество ист-сайдской передовой публики, преимущественно студентов и экстернов, споривших до хрипоты с новоявленным философом не-насилия.

Вышедшая книгою в 1926 года его докторская диссертация "История философии" выдвинула В. Дюранта в первые ряды американских писателей. В этой книге американскому национальному самолюбию льстило предвидение автором ее еще 32 года назад великого будущего Америки, вполне оправдавшееся, но теперь оспариваемое новым претендентом на мировое господство — СССР.

С того времени вышло в свет свыше десятка новых книг В. Дюранта (преимущественно философско-исторического характера; русская тема затронута в книге "Трагедия России"). Монументальный труд — "История цивилизации" в 8-ми томах — не доведен до конца — 6-й том появился в прошлом году, и ныне В. Дюрант, на 73-м году жизни (род. в 1885 г. в Норт Адамс, Масс., во французской семье), спешит завершить свои земные дела...

Философия В. Дюранта не представляет определенного, цельного мировоззрения. Это смесь различных тенденций, направлений, влияний. Немало в нем французского вольтерианства, ницшеанского бунтарства. Он не страшится постановки щекотливых проблем, радикальных решений, в некоторых случаях не совсем правильных. Многие его писания овеяны шопенгауэровским пессимизмом. Осуждение деспотизма, порабощения человека человеком не исключает у него одобрения... диктатуры, и в доказательство правоты своего суждения он ссылается на Наполеона I: "Диктатор действует, молчит, не нуждается во вранье" (Наполеону еще не было известно ленинское и хрущевское вранье).

Вызывают удивление его нападки на социализм, анархизм, демократию: "Социализм — зависть; анархизм — алкание власти; демократия — анастезия, применяемая к народу в то время, как опустошают карманы и высасывают его кровь..."

Этот афоризм — только полуправда. Как искуссный софист, В. Дюрант обиженного превращает в обвиняемого. В его кривом зеркале отражение искаженного лика буржуазного общества. Кто завистники? Народные низы, желающие сбросить

с себя верховников, богачей властелинов. Порок завистников пораждается социальным неравенством. Уничтожьте корень этого зла — неравенство и исчезнет зависть. Социалисты обещают сделать это, но плохо справляются с этой задачею. В СССР, например, они произвели некоторую классовую перетасовку: рабочих сделали немного богаче крестьян, прежнюю буржуазию превратили в париев, а партийцы неплохо устроились в госаппарате. Равенство не получилось просто потому, что оно может существовать только в свободном, безгосударственном, безвластном обществе.

Нет оснований упрекать анархизм в наклонности к властвованию. Возможно у некоторых анархистов проявляются подобные тенденции (но подобные люди обыкновенно уходят из анархического движения в лагерь государственников или даже клерикалов). "Эмма Гольдман, — пишет В. Дюрант, — не работала там, где не могла доминировать." В. Дюрант в данном случае просто не уразумел принципа анархической организации, не признающего механического объединения по партийному или профессиональному признаку. Для своей групповой работы она искала людей по своему вкусу, симпатии, и анархизм Э. Гольдман и А. Беркмана не подлежит сомнению: высланные в СССР, они не переметнулись в лагерь большевиков, а ушли от них за границу...

Не поддался искушению властью и П. Кропоткин, отказавшийся от предложенного ему Временным правительством министерского поста, поселения в царском Зимнем дворце. Отказался он и от предложенного Лениным комиссарского пайка. Не пожелал войти и в Совет Рабочих и Солдатских депутатов — в органах госвласти не может быть места стороннику безвластия.

Несколькими выдержками из ранних произведений В. Дюранта "Транзишен" (1927) и "Меншонс оф философи" (1929) надо ознакомить читателя с направлением, духом дюрантовской философии:

"...Христианство — красивая фраза, придуманная для прикрытия войны всех против всех; религия — просто боязнь смерти, эгоистическое желание бессмертия...

"Появятся еще лучшие и замечательные машины, чем прежде; но они поработят и озверят массы, и в каждом поколении погибнут миллионы людей от истребительных войн. И если во всем этом аду насилия и жадности человек или народ вздумает осуществить идеалы братства и мира, то их сокрушат, поработят люди і расы сильные и бездушные...

"Эволюция — не прогресс, а война, и ее конец — не Утопия, а смерть...

"Время — наш величайший благодетель и наш величайший враг: оно несет нам мудрость и... смерть...

"...Те же самые богатства, которые делают нас робкими консерваторами в политике, — превращают нас в смелых радикалов в морали. С туго набитым бумажником в кармане так же трудно быть аскетом, как и революционером...

"...Бывают моменты, когда мы чувствуем себя анархистами, и бывают моменты, когда мы становимся пруссаками...

"...Слабость правительства заключается в том, что оно не знает, как контролировать дураков без превращения в дураков всех людей...

"...Общество само осуществляет почти все, приписываемое правительству... (цитата взята им из Т. Пейна).

"...Мы анархисты по природе, а граждане — по внушению...

"Придет время, когда люди поймут, что высшее назначение правительства не законодательствовать, а насаждать образование; не создавать законы, а строить школы... Лозунгом правителя станет 'миллионы на образование и ни цента на принуждение.'...

"...Не следует приходить в отчаяние от мысли, что правительство всегда будет в руках политиков... новые поколения избавятся от шарлатанов, которых мы так долго и покорно переносили...

"Дети наших детей станут избирать своих правителей более разумно, чем мы. Они потребуют не законодателей, а учителей, просветителей, будет господствовать не регламентация, а знание; мир и порядок установят не насилием и принуждением, а путем прогресса, распространения и насаждения наук. И пожалуй — кто знает? — по мере роста знаний, они заслужат, и потому создадут, наконец, самое лучшее из правительств, которое перестанет совсем управлять...

"...Большими государствами легче управлять, чем малыми, потому, что первые более инертны и в них труднее договориться, или объединиться для действия...

"...Может быть и верно, как предполагал Линкольн, что 'нельзя всех людей всегда обманывать,' но все-таки возможно обманывать достаточное число их, чтобы управлять большой страною. Высчитано, что на нашей планете размножение дураков происходит со скоростью двухсот человек в минуту, и это плохой признак для демократии...

"...Демократия без образования — безграничное лицемерие... производятся крупные затраты на содержание паразитического класса политиков в придачу к классу фактических

правителей. Функция политиков — в служении правящему классу и в обманывании управляемых. Вся общественная жизнь насыщается корупцией, заражающей дыхание неба...”

**
*

В. Дюрант не ошибся, уловив много лет назад, значение намечавшегося прогресса науки, который встряхнул одряхлевший мир, взметнул его в поднебесье, увлек в космическое пространство.

Перспектива этих головокружительных успехов пугала В. Дюранта. Ему казалось, что великие достижения науки будут использованы не на пользу, а во вред народным массам: погибнет еще больше людей, миллионы, в борьбе за осуществление идеала свободы и братства, но не покидала его и вера в торжество светлых идеалов, и он писал об избавлении будущих поколений — детей наших детей — от повиновения власти политических шарлатанов,” о технократии, о лучшем из правительств, которое “перестанет управлять,” т. е. о воцарении безвластия.

Однако, не следует обольщаться успехами науки, техники. Несомненно усиление влияния науки, ученых в обществе: даже в газетах исчез презрительный, издевательский тон в отношении ученого сословия (“рассеянный профессор”); инквизиторские комиссии наблюдения за благомыслием проявляют теперь больше почтения к создателям спутников, межконтинентальных ракет. В обороне страны, например, не генералам и бюрократам, а именно ученым принадлежит ведущая роль.

А тем не менее ученое сословие все еще не вышло из подчинения зависимости буржуазии, чиновной бюрократии. Все министерские портфели в руках политиков, преимущественно адвокатов, представителей крупных монополий, которые и используют научные и технические достижения в своих классовых интересах. Ученые все еще на побегушках у буржуазии.

Нельзя сказать, однако, чтобы они не сознавали ненормальности подобного положения: подчиненность буржуазным политикам их тяготит. Многие из них протестуют против происходящей подготовки к атомной войне. Перспектива быть сожженными атомным огнем никому не улыбается.

Еще в большей степени ущемлены интересы трудящихся масс. Автоматы-машины, электронные приборы прямо превращают чернорабочих в людей никому ненужных. Автоматизация индустрии, породившая нынешнюю депрессию (это одно из ее последствий), создает угрозу для всего организованного труда — профсоюзов, тред-юнионов.

И глава профсоюза авторабочих Рютер уже выдвинул напугавший хозяев социалистический план участия профсоюза и покупателей автомобилей в прибылях автокомпаний. В данном случае делается попытка возместить трудящихся за потерю от рационализации и автоматизации — требование резонное, осуществимое, вполне справедливое, но оно встречает яростное противодействие со стороны компаний.

В общем же можно сказать, что в происходящей социальной борьбе решающее значение будет иметь не борьба за хлеб насущный, а духовное пробуждение народных масс в борьбе за свободу.

“Быть свободным это значит быть справедливым, справедливым в такой степени, чтобы неравенство стало невыносимым...

“Поймут люди свое достоинство—и будут свободными. В ком нет подобного сознания, тот никогда не может быть свободным человеком. Духовный раб будет вечным рабом. Освобождение от цепи и кнута не может этого раба сделать вполне свободным” (Генрик Манн).

1958 **И. Мирный**

От Редакции: Так как В. Дюрант отошел от анархизма, то есть основание предполагать, что он в своей характеристике анархистов сгущает краски и не всегда придерживается объективности. Это видно хотя бы из того, что имена погибших во время взрыва на Лексингтон Авеню переданы им в извращенном виде. Погибли не Керни, Греб и Джонсон, как пишет Дюрант, а Артур Каррен, Чарли Берг и Карл Хансон. Кроме того, погибло не три, а четыре человека. Личности четвертого не удалось установить. Было лишь установлено, что погибший — женщина. Драма на Лексингтон Авеню до сих пор остается неразгаданной загадкой. Возможно, что это — результат легкомыслия, возможно также, что это — обыкновенная неосторожность. Некоторые лица (Эмма Гольдман, например), склонны предположить последнее.

А. Беркман в то время уже не был сторонником террористических актов. Еще задолго до этого — в 1901 г. — он осудил поступок Чолгоша.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

И. П. Самусин

В зеркале прошлого

"Анархист — это идеалист, светлый рыцарь, защитник обездоленных и угнетенных...

"Анархист — это бесстрашный борец за свободу и счастье для всех...

"Анархист чист и глубоко нравствен, он не связан ложью религий и предрассудков, он духовно свободен...

"Анархист — это истинный аристократ человечества..."

Так звучал приглушенный голос "вечного студента," репетитора старшего моего брата.

И. П. Самусин

За окном петербургская метель, а в учебной комнате тепло и уютно, лампа под зеленым абажуром бросает причудливые тени на стены, на глобус, на кучи книг и тетрадок, наваленных на столе. Нам, детям, надо готовить уроки, да дробь не делится на дробь, до того ли... Воображение ищет картинное восприятие типа анархиста и услужливо смешивает образы рыцарей Круглого Стола Сэр Галахада и Ланцелота с образом Ильи Муромца и крепко западает в душу маленькой гимназистки.

"Интуитивная этика... свобода воли... справедливость.. самодеятельность... революционный подъем масс..." — хоть и не все понимаешь, что говорит "вечный студент," но какие красивые слова, так хорошо на душе, точно в церкви, когда "Верую" поют. Но главное — надо обрести свободу...

Прошли годы, я осуществила часть моих желаний, я в демократической Америке. Случайная встреча в поезде и шепот знакомой: вот там стоит Самусин, он — анархист. Из глубины подсознательности всплыл "облик анархиста," созданного мечтой, облек Самусина (а он был высокий и статный), в золотой панцырь рыцаря и окружил его ореолом свободы, бесстрашия и совершенства. Мудрено ли, что я всей душой потянулась к нему.

Я ожидала жизнь полную кипучей деятельности и яркого драматизма, вместо того потянулись серые будни рабочих дней. Заходили навещать товарища, а я с горечью и недоумением спрашивала: неужели это анархисты? Говорили о прагматизме, не понимая его, о цивилизации, живя в грязных трущобах, о культуре, коверкая русский язык. Все мои доводы, что каждый рабочий, как производительная сила, имеет право на лучшие жилищные условия и пищу, лучшие вещи, лучшие культурные развлечения — встречались насмешливыми замечаниями о буржуазных наклонностях. Я утверждала, что тот, кто называет себя анархистом, должен быть искренне-последователен, должен работать над собою, воспитывать себя и развиваться духовно, стараться стать прототипом свободного человека будущего. Жизнь анархиста должна являться образцом того идеального общества, о строительстве которого говорилось столько прекрасных слов. Товарищи обижались, несколько недель не заходити, а потом опять возвращались.

Не легко было Самусину выслушивать критику его товарищей, в нем была непоколебимая вера в добро в человеке, он был беззаветно предан своим друзьям, с ними связывало его чувство какой то неразрывной спайки. Трогательно было наблюдать его встречи со старыми "союзовцами," он как то весь трепетал и жадно всматривался — остался ли и в их душе чистый пламень, приобщивший их к анархизму. Трудно описать тот нюанс нежности и почитания, с каким он относился к одной анархистке, за то, что она когда то рядом с ним отбивала попытку большевиков сорвать собрание. Тогда он заслужил кличку "драчуна" Но вот однажды этот "драчун" заметив в саду неровное мигание светлячка и найдя, что тот опутан паутиной, осторожно, с необыкновенным терпением размотал паутину и посадил жучка на ветку. Пусть живет.

Исключительно чистоплотный, вплоть до брезгливости, Самусин тем не менее дал приют в своей лаборатории одному таварищу, заболевшему накожной болезнью. Ни угрозы заказчиков и частных лиц подать жалобу в бюро здравоохранения, ни убытки, не могли его заставить удалить товарища: я должен помочь ему встать на ноги, говорил Самусин, без меня он пропадет. Это не была тщетная дряблость доброты, это было проявление высокой гуманности.

Самусин всегда старался найти оправдание проступков, непоколебима была его вера в добро в человеке. Даже когда один "анархист," втершись ему в доверие, обманул его, Самусин, все же остался верен своим убеждениям, что человек, соприкоснувшийся с возвышенными идеями, не может быть в корень прогнившим. Он долго пытался оправдывать чем-либо поступки этого "анархиста." Только когда факты и документы

были слишком на лицо и никак нельзя было их смягчить, это сломило Самусина. Он сразу потускнел и ушел в себя. Потеряв веру в добро человека, поблекло и желание жить. Возможно, что это и помогло Самусину сойти рано в могилу. Невольно склоняешь голову перед его духовной чистотой, не пожелавшей воспринять зло.

Его само-дисциплина была изумительна, он никогда не выходил из себя и не терял самообладания. Только пьянство он не терпел, презирал его до гадливости, не мог равнодушно смотреть на самоунижение до степени животного и мог опалить пьяницу словом, точно жигануть хлыстом. И сколько жалких душенок возненавидели его за это?

Он был крайне требователен как к себе так и к другим. Занимая ответственные должности в девяти организациях, он точно вел финансовые дела, всегда аккуратно посещал собрания и требовал такого же отношения к делу от других. Не было исключения и для меня. Даже во время физических недомоганий, я должна была являться на собрания. Редко кто умел так задушевно, просто искрясь, смеяться и метким словом подметить комичное и претенциозное. Русский, но не националист, Самусин помогая переезду перемещенных лиц в Америку, предполагал, что те, которые испытали на себе гонения, переймут его идеалы и борьбу за свободу. Он щедро жертвовал на все освободительные движения греков, испанцев, итальянцев. Узнав, что в Израиле существовали свободные коммуны, посылал помощь и туда. Лишь когда захватили государственники-националисты, а сионисты приняли участие в созванном Франко фашистском митинге в Мэдисон Сквер Гарден, он прекратил помощь. Его прямолинейное осуждение государственников восстановило против него некоторых еврейских товарищей, воспринявших сионизм.

Самусин не выступал с речами, он был скромен, но если нужна была какая-либо справка относительно мыслей того или иного философа, он безошибочно давал сведения. Как истинный анархист, он имел чувство собственного достоинства и как равный с равным находил общий язык, будь то с митрополитом, будь то с сиятельным князем. Много хороших воспоминаний теснится, но надо кончать.

Прошли многие годы, жизнь сбила порывы взлетов в высь и я поняла, что не в драматических вспышках, а в повседневной жизни вскрывается красота выдержанного характера человека, на которого всегда можно было положиться, что не обманет, не продаст.

"Я тебе оставляю мое незапятнанное имя" — были одни из последних слов Самусина. За этот дар я ему глубоко благодарна и буду хранить его в душе моей.

Нина Самусина

**
*

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Иван Павлович Самусин родился 20 сентября 1888 года, в селе Катини, Сосичанской волости, Ковельского уезда, Волынской губернии. Отбыв воинскую повинность артиллеристом в Ново-Георгиевской крепости, он в 1913 году приехал в Соединенные Штаты. Сначала он, вместе со своими земляками волынцами, попал на лесозаготовельные работы в штаты Новой Англии (возле канадской границы). В то время левое крыло американского профессионального движения — Индустриальные Рабочие Мира — пользовались заметным успехом среди лесозаготовительных рабочих. Самусин тоже был захвачен этим движением. Он стал Ай-Доблью-Доблью, а затем, когда переселился из штатов Новой Англии в Нью Иорк, — как естественное явление — перешел от Ай-Доблью-Доблью к анархистам. Один анархист в то время имел в Нью Иорке свою зуботехническую лабораторию. Познакомившись с ним, Самусин заинтересовался этим ремеслом и начал вечерами его изучать (днем он работал в портняжной мастерской гладильщиком). Не легко было днем работать в мастерской, а вечером учиться в лаборатории, но тем не менее, Самусин преодолел все трудности и в сравнительно короткий срок стал первоклассным зубным техником. Открыл свою лабораторию — сначала маленькую, а потом большую — и успешно вел это дело до самой смерти, которая настигла его 10 мая с. г. Четыре месяца и десять дней Самусин не дожил до 70 лет. Похоронен он на роовском клаадбище.

**
*

САМУСИН — КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

Русское безвластническое движение в Америке никогда — ни в годы расцвета, ни в годы упадка — не являлось чем-то компактным, монолитным и единоликим. Трещины и расщелины всегда бороздили его в разных направлениях. Организации существовали рядом с себеподобными организациями; печатные органы выходили одновременно с другими такими же печатными органами. Если взять нью иоркский союз "Самообразование" и Союз Российских Тружеников, то даже при помощи увеличительного стекла нельзя найти между ними принципиальной разницы. Тем не менее организации эти функционировали отдельно и самостоятельно. Точно так же нельзя найти принципиальной разницы между журналом "Волна" и недолго просуществовавшим журналом "Буревестник." Но они были "на штыках"...

Самостоятельность, многогранность и децентрализация — понятия чисто анархические. Критике они не подлежат. Нельзя, однако, этого сказать, если на почве самостоятельности и многогранности возникает вражда. Вражда никакого отношения к анархизму не имеет. К сожалению, в прошлом многие наши расхождения заполнялись исключительно личной враждою.

Вышло как то так, что с покойным т. Самуси-

ным мне никогда не пришлось работать в одной организации. (Исключением могут быть самые последние годы, когда мы принадлежали к 25 отделу РООВА.) Всегда мы были в "противоположных" лагерях. Тем не менее, мы не только никогда не спорили, но даже не дискуссировали. При встрече (а встреч у нас было много) мы всегда находили "нейтральные" темы для разговора, а если иногда и касались чего-либо "щекотливого," то скорее всего в юмористической форме. Помню, однажды между "Волною" и "Анархическим Вестником" возник из-за чего-то спор. При встрече с Самусиным мы условились говорить как можно громче, ибо если будем говорить обыкновенным тоном, то из-за возникшей канонады (намек на спор между "В." и "А. В.") не услышим друг друга.

Когда я познакомился с Самусиным, то Союз Российских Тружеников (к которому принадлежал Самусин) находился уже на 10 улице в Нью Иорке. Внизу, в полуподвальном помещении, была стоянка для тележек, широко тогда применявшихся в уличной торговле, а над этими "пушкартс" простиралось помещение СРТ. Отопления, конечно, не было, поэтому собравшиеся в помещении обыкновенно не снимали с себя ни пальто, ни шляп. (Здесь следовало бы сделать отступление и подчеркнуть, что эта своеобразная мода — оставаться в пальто и в шляпе — тогда у нас практиковалась везде, — даже там, где было отопление. Против этого однажды повел сильную атаку ныне уже покойный П. Жук. Но так как это отступление завело бы нас слишком далеко в сторону, то лучше не будем касаться этого.) Все мы тогда были молодые, понятия неимевшие о ревматических болезнях, поэтому не только могли часами простаивать в сыром, неотопленном помещении, но даже принимали участие (не все, конечно), в разыгрывании сценок на эстраде, где иногда (по ходу пьесы) нужно было выступать в одной только рубашке.

Почему у меня помещение СРТ неизбежно сочетается с холодом? Потому, что летние месяцы я всегда проводил возле Нью Иорка, а зимою жил в Нью Иорке. Следовательно, летом я не мог быть посетителем клуба СРТ. Только зимою, — в трескучие морозы. Заходить туда приходилось по разным причинам, но чаще всего причиною посещения были — лекции. Последние устраивались чуть-ли не каждое воскресенье, и лектором почти всегда был И. Л. Тартак, а председателем — Самусин. Поэтому когда я вспоминаю о Самусине, то больше всего вижу его в роли председателя на лекции. Для этой цели он очень подходил. Не по красноречию, а по... выражению на лице. Самусин никогда не волновался, не кипятился. Не было у него и высокомерия или же надменности, присущей многим председателям. Спокойно, мягко, даже как бы лениво, представлял он лектора, при чем, по забывчивости Тартака, иногда называл "товарищем." Если бы кто другой так назвал Тартака, то это прозвучало бы резким диссонансом, но у Самусина это выходило как то вполне естественно. Слушатели даже мало смеялись... Когда на лице у человека еле заметная улыбка (а у Самусина она почти всегда пробивалась,), то вполне естественно, что такому человеку все люди — товарищи, т. е. хорошие люди.

Еще одна особенность, связанная с этими событиями: — чай. Если лекцию читал Тартак и если председателем был Самусин, то заранее можно было знать, что во время лекции на столе перед лектором будет стоять стакан ароматного чая.

Позже мне приходилось встречаться с Самусиным, главным образом, в районе Юнион сквера, где он имел свою зуботехническую мастерскую. Здесь уже мы оба были слушателями "лекций," в которых никогда нет недостатка на Юнион сквер. Никогда не забуду как просветлялось лицо Самусина если кто-нибудь из спорившщих (на Юнион сквер всегда спорят) выражал мысли, присущие Самусину. Казалось, что Самусин вот-вот начнет аплодировать. (Между прочим, после лекции Тартака Самусин всегда первым начинал аплодировать.) Если и прежде Самусину присуще было спокойствие, то в это время — тем более, так как дела в его мастерской шли хорошо и он, что называется, стоял прочно на земле. Под ногами чувствовалась опора... Будь на месте Самусина другой человек, он неизбежно превратился бы в обыкновенного эксплоататора, — маленького Форда. Но Самусин на этот путь не мог вступить: удерживали убеждения. Своих убеждений Самусин не заглушил мещанством...

Я должен заметить, что в то время, когда я начал знать Самусина, "левая" принадлежала мне. Самусин как бы занимал правый фланг. Потом наши роли переменились: Самусин стал "левым," а я — "правым." Потом эти понятия совсем спутались. Стало неизвестно — где "правая," а где "левая." Да в последнее время это и утратило свою остроту.

Люди — не ангелы. У каждого человека есть недостатки. Были они, вероятно, и у Самусина. Но у людей сложилась хорошая поговорка: о мертвых говорить только хорошее, или же ничего не говорить. Будем всегда придерживаться этой поговорки.

Претендовать на то, что я хорошо знал Самусина, конечно, я не могу. Товарищи, работавшие вместе с ним в одной организации, несомненно, лучше меня знали покойного, и они об этом, надо полагать, расскажут нам. Но известное значение имеет мнение не только друзей близких но и друзей далеких, если можно так выразиться. Да, были мы с т. Самусиным далекими друзьями, но все же друзьями. Никогда не спорили, хотя и шли не одной, а параллельными дорогами.

Ю. С. К.

НА ПОГОСТЕ

(Размышления)

В. Куль, А. Вышинский (П. Жук) и И. Самусин умерли почти одновременно (6-ти месячный период). Начали они свою общественную деятельность в Союзах Русских Рабочих, а закончили в рядах РООВА. Иначе говоря: шли одним и

тем же путем. Если люди идут по одной дороге, то и придти они должны в одно и то же место. Этого, однако, не случилось. Куда пришли Вышинский и Самусин, там не оказалось Куля, а куда пришел Куль, там не оказалось Вышинского и Самусина. Последние, в свою очередь, в некоторых местах разошлись.

Когда то у нас стоял на первом месте вопрос о том, нужно ли безвластникам входить в беспартийные организации. Большинство придерживалось мнения, что если идейный человек попадет в серую беспартийную массу, то он неизбежно там растворится, — как сахар в воде. На этом основании некоторые товарищи отказывались даже от активного участия в издании легальной газеты "Американские Известия." Все легальное отождествлялось с "гомперизмом."

Жизнь и деятельность вышеупомянутых товарищей свидетельствует, что споры о вхождении или невхождении в беспартийные организации, лишены всякого основания. Находясь в одной и той же обстановке, соприкасаясь с одной и той же средой, люди могут приходитть к самым противоположным заключениям.

Дело, как видно, не в организации, а в нас самых. Если наши убеждения тверды — нигде они не растворятся. Если же наши убеждения эфемерны — мы можем где угодно их потерять или променять на что-то другое.

Вышинский вступил в РООВА одновременно с Кулем. Но своих убеждений он там не растерял. Самусин примкнул к этой организации немного позже, делал разные зигзаги и уклоны (вхождение в демократический клуб), но тоже донес свои убеждения до конца. Куль же, работая в рядах РООВА, потерял все, с чем он туда вошел.

Три человека шли одной дорогой, но пришли к разным полюсам. Вот загадка... Над этим стоит задуматься.

Разочарования в анархизме могут быть от двух причин. Первая — непонимание анархизма. Вторая — отсутствие в анархизме элементов лидерства. Человек, мечтающий о том, чтобы кем-то руководить, долго не может быть анархистом. Не может быть также долго анархистом тот, кто думает, что сегодня он заснет в капиталистическом строе, а на утро проснется в анархическом. Проснется такой человек раз, проснется другой раз, а анархизма все еще нет. Вот и разочаровывается.

Мужик

УМЕРЛИ ВО ФЛОРИДЕ

Почти одновременно во Флориде умерли два человека, когда то активно участвовавшие в безвластническом движении: К. Короневский, долгие годы бывший секретарем ежедневной газеты "Американские Известия" и С. Михайлов, бывший постоянным сотрудником этой газеты. Михайлов в последние годы отошел от безвластнического движения, Короневский же до самой смерти поддерживал связь со старыми соратниками. Надеемся, что кто-нибудь из друзей Короневского даст хотя бы краткие биографические сведения о нем.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАРХИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

В конце июля (начиная от 25 числа) в Лондоне состоялся Международный Анархический Конгресс. Были представители от анархических организаций из следующих стран: Франции, Италии, Германии, Голландии, Бельгии, Швеции, Аргентины, Чили, Канады, США, Австралии (последние три страны представлял один делегат) и, конечно, из Англии. Испанские и болгарские анархисты в изгнании прислали своих делегатов. Из некоторых стран получились письменные рекомендации и приветствия. Всего было представлено 17 стран. Только из стран, охваченных "Железным Занавесом," не было ни письменных решений, ни представителей. Этот печальный факт усугубляется еще тем, что среди народов, голос которых не был услышан на Конгрессе, оказался и тот народ, который дал Бакунина и Кропоткина, и который всегда был склонен к анархизму. Нет сомнения, что если бы на Конгрессе были представители из России, то Конгресс, вследствие этого, оказался бы не только многолюднее, но и разностороннее по вынесенным решениям, ибо такого разновидного толкования анархизма, как в России, нигде нет.

Решения и резолюции Конгресса еще не опубликованы. Известно лишь, что Конгресс высказался за создание во всех странах и на всех материках особых связующих звеньев (организаций), долженствующих находиться в постоянном контакте, как с координационным центром, местопребывание которого отныне будет в Лондоне, так и с локальными анархическими организациями разных стран.

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКИХ СТРАНАХ АМЕРИКИ

Из доклада, прочитанного на Международном Анархическом Конгрессе, состоявшемся прошлым летом в Лондоне.

Аргентина

Анархическое движение в Аргентине, прославившееся прямым действием в начале нын. столетия и породившее мощные профессиональные союзы, состоявшие почти исключительно из анархистов, игнорировавших писанные законы и действовавших на основании этических соображений, было задушено в "кровавой бане"—сначала жестоким диктатором Уриба, а затем еще более жестоким — Пероном. Загнанное в подполье движение, казалось, погибло. Но это только так казалось. Оставшиеся в живых преданные великому идеалу люди, переменили тактику. Вместо прямого действия и объединения по профессиям, анархисты глвное внимание уделили культурно-просветительной работе. Печатание книг и брошюр, так или иначе отражающих анархические

идеи, стало важнейшим занятием. С падением Перона анархическое движение начало опять возрождаться. "Ла Протестта," чуть-ли не старейшая анархическая газета, много раз уходившая в подполье, опять начала выходить легально. Кроме "Ла Протеста" в Аргентине выходит еще четыре анархических печатных органа. В Буэнос-Айрес создан комитет, в задачи которого входит — установление связи с безвластническим движением во всех странах.

Уругвай

Эта небольшая страна является одной из немногих стран, где существует хотя бы относительная свобода печати, собраний и т. д. За исключением небольшого периода царствования сумасбродного Терра, анархическое движение в Уругвае всегда было легально. В пропорциональном отношении к населению анархическое движение в Уругвае, пожалуй, можно считать самым сильным. Организационно анархисты Уругвая делятся на: 1) входящих в профессиональные союзы, 2) входящих в Анархическую Федерацию и 3) стоящих в независимых группах. Каждое из этих направлений имеет свой печатный орган. Кроме того, анархические идеи весьма популярны среди студентов. В Монтевидео имеется специальный анархический архив и библиотека, всегда переполненные студентами.

Бразилия

Рабочее движение в Бразилии когда-то носило чисто анархический характер. Диктатор Варга, однако, постарался "освободить" рабочие организации от анархистов. Последних он заточил в тюрьму, а во главе рабочих организаций поставил угодных ему лиц, постаравшихся превратить рабочие организации в послушные правительству аппараты. (В Аргентине к этой тактике частично прибегал Перон.) Большевики тут тоже приложили свою руку, говоря, что рабочие должны интересоваться государством. В настоящее время рабочее движение в Бразилии лишено всякой активности. В таких больших центрах, как Рио де Жанейро, Сао Паоло и друг., анархисты имеют заметное влияние в университетах. Это, однако, только частности. В главном же, анархисты пытаются найти какой-то новый путь для пропаганды своих идей. Некоторые полагают, что таким новым путем могло бы оказаться создание анархических земледельческих коммун. Свободных земель в Бразилии много, и на этих просторах не особенно-то чувсттвуется рука государства. Своим примером анархисты могли бы заражать окрестное крестьянство. Само собой понятно, что создание земледельческих коммун не означает полного отказа от прежней тактики — внедрения анархических идей при помощи печатной и устной пропаганды.

Мексико

Мексиканская революция, происшедшая 47 лет тому назад, дала таких славных борцов за дело освобождения, как Э. Запата, братья Магон и других. Однако, с течением времени места этих борцов были заняты разными демагогами и политиканами, постаравшимися обмануть неграмотное население разными посулами, вроде: "дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток." Срок уже прошел довольно большой, а "белки" и "свистка" все еще нет. Анархисты в настоящее время проявляют тенденцию к внедрению своих идей мирным путем. Помимо чисто идейных организаций существует несколько театральных групп, ставящих на сцене анархические пьесы. Функционирует также издательская группа, выпускающая анархические книги как для детей так и для взрослых. Имеется печатный анархический орган. Испанские анархисты, бежавшие от Франко и поселившиеся в Мексике, издают свои печатные органы (два), предназначенные главным образом для борьбы с Франко.

Боливия

Боливия — одна из беднейших стран Латинской Америки. Рабочего движения в его международном смысле, там почти нет. Население — преимущественно крестьянское. Вследствие этого анархистам приходится вести свою пропаганду главным образом путем создания свободных земледельческих коммун. (Этот способ, как отмечено выше, теперь переходит в Бразилию.) О жизни и деятельности этих коммун боливийские товарищи обещали прислать в координационный комитет, заседающий в Лондоне, более подробные сведения.

Чили

Анархическая Федерация в Чили называется: "Интернациональная Анархическая Федерация." Она является продолжением сильных когда-то здесь революционных тред-юнионов — Индустриальных Рабочих Мира. (Отсюда и приставка "Интернациональная.") Революционный тред-юнионизм с течением времены уступил место так называемому "желтому" тред-юнионизму, послушному и покорному сильным мира сего. Перед анархистами встал вопрос: кооперировать ли с такими профессиональными союзами или же игнорировать их? Вопрос этот до сих пор не разрешен. Мешает разрешению этого вопроса до известной степени тот факт, что анархисты в Чили имеют своеобразную черту оседлости: им разрешено вести свою работу лишь в некоторых профессиональных союзах. Само собой понятно, что там, где нельзя вести работу, — там помимо воли анархистов возник барьер между анархистами и профсоюзами. Анархическое движение в Чили, однако, по справедливости может занять третье место — после Аргентины и Уругвая. Издающийся печатный орган "Иль Либертарио" — весьма живой и интересный орган.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
"ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"

Куба, Колумбия, Гондурас, Гватемала, Панама и Эквадор

В этих странах, поражающих своей нищетой и богатством (население бедное, а отдельные личности сказочно богатые), анархическую работу приходится вести главным образом тем личностям, которым удалось бежать от Франко и переселиться в Америку. Революционная работа здесь затрудняется тем, что под революцией часто понимается свержение одного диктатора и водворение на его место другого. Воцарившийся новый диктатор, конечно, пресекает всякую революционную деятельность, да и населению не вполне понятно о какой революции еще нужно говорить, раз она (революция) уже произошла. Немалую также роль играет иностранный капитал, превративший эти страны в обыкновенные колонии. Занимать правительственные посты могут только лица, угодные иностранному капиталу. Из всех вышеотмеченных стран анархическое движение наибольшим успехом пользуется на Кубе. Если бы не узурпация со стороны некоторых отдельных лиц (сначала выступают как анархисты, а потом превращаются в обыкновенных государников), то анархическое движение на Кубе стояло бы в передовых рядах.

Ко всем друзьям и товарищам

В № 54 "ДТП" напечатана заметка "С миру по нитке — голому рубашка," в которой речь идет о бедственном положении наших двух больных товарищей — К. Гордеенко и К. Коронеьского. Там же напечатан отчет по сбору пожертвований в пользу т. Гордиенко, из которого видно, что всех денег поступило 369 долларов. Из этой суммы 350 дол. уплачено за "трейлер" (на эту цель и собирались деньги), а больному т. Гордиенко осталось всего лишь 19 долларов. Пришлось вторично обратиться к товарищам с просьбой о помощи. Откликнулись почти те же товарищи, которые не оставили без внимания первого призыва. Нью Иоркская группа пожертвовала 50 долларов. Ф. Кваленко — 25 долларов, С. Медынич, К. Талан, В. Василенко, Т. Штыцук и С. Павлов по 20 долларов. Г. Мороз, И. Сивко, М. Хведченя, В. Радуха, М. Радивончик, В. Шурхай, И. Усатый, С. Петров, Деркач и Шумович по 10 долларов. М. Нечаев, С. Тюшкевич, Клим, Шабан, Корень и Кучер по 5 долларов. Тов. Громм из Нью Иорка прислал 25 долларов из которых 12:50 для Гордеенко и 12.50 для Короневского. Всего в пользу Гордеенко поступило 317.50 долларов. Некоторые тов. — Черный из Детройта, Волков и Новин из Чикаго — свою лепту послали непосредственно т. Гордеенко. Из вторично собранной суммы некоторая часть ушла на пристройку к "трейлеру" небольшой веранды ("порч"). Иначе некоторые вещи (книги, например), должны были бы оставаться под открытым небом. Остальные деньги поглотило лечение. Доктора и медицина, как известно, дорого стоят. Тов. Гордеенко по-прежнему остается в затруднительном положении. Друзья и товарищи этого не должны забывать. Следует отметить, что никакой специальной группы, занимающейся сбором пожертвований до сих пор не было. Оба обращения исходили от меня лично. Сделал я это потому, что, будучи во Флориде, воочию убедился в каком критическом положении находятся наши общественные работники. (Гордиенко и Короневский, как известно, в свое время принимали деятельное участие в наших печатных органах.) Всем откликнувшимся на мой призыв — спасибо.

Детройт, Миш. **С. Павлов**

Только один доллар в месяц

Недавно в Детройте организовалась инициативная группа, ставящая своей целью — вносить ежемесячно по одному доллару в фонд попомощ больному т. Гордеенко. Один доллар в месяц — сумма незаметная, пустяковая. Даже безработный может ее внести. Многие из нас на папиросы тратят в неделю больше этой суммы. А между тем, если бы нашлось хотя бы сто человек, согласившихся аккуратно вносить эту маленькую сумму, то это значительно улучшило бы материальное положение т. Гордеенко, ободрило бы его и дало бы ему возможность снова взяться за перо. Надо сказать, что в последнее время т. Гордеенко, вследствие затруднительного положения, совсем забросил свое осторе перо, что, конечно, не могло не отразиться пагубно на наших и без того слабых интеллектуальных силах. Мы надеемся, что читатели "Дело Труда-Пробуждение," долголетним редактором которого т. Гордеенко состоял, последуют нашему примеру и начнут ежемесячно отчислять из своего бюджета по одному доллару в пользу нуждающегося товарища, долгие годы шагавшего вместе с нами, а потом изнемогшего под бременем нужды и тяжкого недуга. Мы верим, что голос наш не останется гласом вопиющего в пустыне. Для облегчения достижения намеченной задачи инициативная группа выделила из своей среды правление из следующих лиц: С. Павлов — председатель, Г. Павлова — секретарь, И. Сивко — казначей. Всякую помощь просим направлять по следующему адресу:

JOHN SIVKO
12501 Grand River Ave.
Detroit 4, Mich.

ИСПРАВЛЕНИЕ НЕТОЧНОСТЕЙ

В прошлом номере "ДТП" были смешаны два списка пожертвований: детройтский и нью иоркский. Детройтский список кончается поступлением пожертвований из Ст. Луиса, а нью иоркский начинается поступлением пожертвований из Монтреала, Канада. Общая сумма, указанная в начале списка, относится лишь к детройтскому списку. Кроме того, в нью-иоркском списке не было указано имя С. Володькина из Чикаго, пожертвовавшего на журнал 10 дол. Ред. Кол. извиняется за эти неточности.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ. — Дорогие товарищи, спешим уведомить вас, что журнал "ДТП" мы получили. (В письме не сказано — какой номер— Ред.) Долго его ожидали. Закрадывались даже опасения — не закрылся ли, не погас ли светильник? Опасения наши, к счастию, оказались напрасными. Журнал выходит и, как и прежде, метко и верно вскрывает все гнойники на социальном теле. Это нас очень радует. Мы только тогда и наслаждаемся, когда читаем новополученный номер "ДТП."

Организация наша небольшая. Находимся мы далеко от так называемого цивилизованного общества. Новая Зеландия, пожалуй, самый отдаленный уголок на земном шаре. Но наши сердца бьются в унисон со всеми борцами за свободу. Мы оторваны от своих кровных братьев — болгар, но знаем, что наши идеи там не умерли и никогда не умрут. Как бы современные иезуиты — большевики ни окружали страну "Железным Занавесом," но голос Анархии, несущийся оттуда, доходит до нашего слуха. Об этом свидетельствует дело т. М. Васева, убитого большевиками. Таких, как Васев, много в Болгарии.

Будем надеяться, что мы еще доживем до тех дней, когда сможем вернуться на родину и подать руку всем нашим единомышленникам.

На помощь нашему светильнику — "ДТП" посылаем три фунта стерлингов. Будем помогать и в будущем. Да здравствует "ДТП" — трибуна анархизма!

Привет от всей нашей организации. **З.З.**

АВСТРАЛИЯ. — Дорогие товарищи. Долго не писал вам. За это время произошло много перемен, как общих, так и личных. Я стал совсем другим человеком. Даже не узнаю себя. Порою мне стыдно за свое прошлое. В мире все запутано. Много разных течений и делений. Уничтожить сразу все эти деления — нельзя. Мнения, что гвозди: чем больше по ним колотить, тем глубже они влезают. Людей можно обозлить, но истины они вследствие этого не познают. Человек же, не познавший истины, не может быть свободным, как об этом сказал еще Христос. Доказывать истину можно лишь личным примером, но не словами. Не критиковать и учить других, а вести чистый и светлый образ жизни и тем заражать других.

Свобода, равенство и братство — красивые слова, но в них кроется противоречие. Если свобода, то не может быть равенства, а если равенство, то не может быть свободы. Только большевики хотят всех уложить в Прокрустово ложе. Люди разные, — большие и меньшие. Кому больше дано, с того больше и спросится. (Здесь автор письма смешивает два понятия: равенство и разность. Люди, действительно, разные, но тем не менее они равные.—Ред.)

Основоположники анархизма, быть может, и правы были для своего времени, но теперь нам нужно искать свои пути, соответствующие нашему времени. Я долгое время был атеистом, но теперь стал религиозным человеком, но не таким, как другие. В следующем письме я изложу как я понимаю Христа. Пока же закончу тем с чего начал: нам нужно больше всего доказывать свою правоту своим личным примером. **С.К.**

ЗАП. ГЕРМАНИЯ. — Спасибо за присланные журналы. Я нахожусь в Доме для престарелых. Материальная пища кое-какая есть, но духовной — никакой. Финансовое же положение таково, что нечего и думать о выписке газет или журналов. Сами можете представить как несказанно я был рад, получив от вас духовную пищу. Для таких людей как я, чтение газет, журналов и книг — единственное приятное и полезное времяпрепровождение. **С.Е.**

СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ. — Многоув. А. Ш. Изданную Вами книгу Е. З. Долинина-Моравского я получил. Спасибо. Книга интересная. Когда она писалась, то я еще был в СССР и, конечно, не знал, что и мне придется разделить судьбу автора книги. Очень жаль, что автор не дожил до наших дней. Таких людей, как Долинин, мало в наше время.

Мне, как бывшему сов. каторжанину, настроения духовные стремления Долинина, понятны и местами очень близки. В религиозных воззрениях мы, очевидно, с автором сходимся. Но его ссылки на анархизм не всегда убедительны для меня. Из всех отвлеченных идей анархизм, пожалуй, отличается наибольшей добропорядочностью. Не поэтому ли Долинин и ссылается на анархизм? Во всяком случае, читая книгу, нельзя не проникнуться уважением к автору, даже если чувствуешь кое-какие расхождения с ним.

Появление книги в свет обязано двум лицам: тому, кто ее написал и тому, кто ее издал. Вы, как издатель книги Долинина, сделали большое дело, выпустив на рынок такую ценную книгу, как "В вихре революции." Еще раз спасибо.

Г.А.Р.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ. — Ув. Товарищи. Посылаем посильную лепту на поддержку нашего светоча, который и во тьме светит. Тьма его не может одолеть. Пусть же он светит еще долгое-долгое время! Нужно, однако, признаться, что распространять такой журнал, как "ДТП," в наше время и в наши годы (некоторым из нас уже идет **восьмой десят**ок) — задача очень трудная. Ведь в наше время многим, как сказал поэт, печной горшок дороже, чем хорошая книга или журнал. Мещанство и увлечение чисто телесными наслаждениями почти повсеместно царят в наше время. К тому же многие из наших товарищей, повинуясь неизбежности рока, ушли от нас туда, откуда нет возврата. Осталось нас немного, но... несмотря на все это, мы должны, пока бьются наши сердца, продолжать наше общее дело. Должны мы продолжать это потому, что мы верим в братство и равенство людей, а вера без дел, ведь, мертва. Поэтому я обращаюсь ко всем тем, в ком еще теплится искра любви и надежды на светлое будущее, забыть о своем старчестве, а

вспомнить поговорку, гласящую: "взялся за гуж, не говори, что не дюж." **Я.Т.**

САН БРУНО, Кал. — Уваж. т. Ч. В этом письме посылаю 10 дол. — в фонд "ДТП." Хотелось бы, чтобы журнал поскорее вышел из печати. Обратите внимание на мой новый адрес. Привет и лучшие пожелания всем товарищам, самоотверженно заботящимся о журнале. **Н.Г.**

САН ФРАНЦИСКО. — Ув. т. Ч. Спасибо за журнал "ДТП," который вы мне беспрерывно высылаете. Посылаю в этом письме 6 дол., из которых 5 дол. в фонд журнала, а 1 дол. вам на марки. Пересылка ведь тоже деньги стоит. В будущем, если будет возможность, постараюсь еще что-нибудь прислать. **Н.К.**

СКРЕНТОН, Па. — Уважаем. товарищи. Посылаю три доллара на издание журнала "ДТП." Прислал бы больше, но, к сожалению, положение безработного шахтера не позволяет этого. Хочется сказать хоть несколько слов об этом положении, ибо, по всей вероятности, не всем известно как живут безработные шахтеры. Главный источник существования безработного шахтера — шахтерская юнионная пенсия. Правительственное пособие в случае безработицы, как известно, кратковременное (несколько недель), шахтерская же юнионная пенсия — до смерти. Сначала она была 100 дол. в месяц, потом ее сократили до 50 долларов, а в июне месяце с. г. понизили до 30 долларов, из которых еще отсчитывается 1 д. 25 центов в месяц в кассу юниона как членские взносы. Безработный шахтер, таким образом, получает лишь 28 д. 75 с. в месяц. Размер пенсии всецело зависит от юнионной администрации, во главе которой стоит Дж. Луйс. Захочет Луйс — пенсия увеличится, захочет—уменьшится. Все зависит от воли и желания одного человека. Луйс больше интересуется юнионной кассой, чем положением отдельного шахтера. Из юнионной кассы он берет свое министерское жалованье, вот и сокращает пенсию шахтерам для того, чтобы в кассе больше оставалось денег ему на жалованье. Как видно, правды нигде нет, — ни у больших, ни у малых диктаторов. Только тогда становится на душе немного отраднее, когда получится свежий номер "ДТП" и начнешь его читать. К сожалению, журнал выходит очень редко. Хотелось бы, чтобы он выходил чаще. Привет и лучшие пожелания всем тем, кто заботится о существовании журнала. Безработный шахтер **А.Х.**

ДЕТРОЙТ — Думаю, что читателям "ДТП" интересно будет узнать про приключения красной патриотки М. (Будем ее так называть.) Поехала М. в СССР в качестве туристки. Ехала туда в приподнятом настроении. Шутка ли — едет в "свою" страну. В Москве она прожила 8 дней, а некоторое время провела в Минске в семье Казущика, которого она знала по Америке. Что они говорили с Казущиком — Аллах только знает. По всей вероятности больше всего вспоминали про пикники с пирожками, которые большевики чуть-ли не каждое воскресенье устраивают в Соединенных Штатах и на которых когда то неизменно присутствовал Казущик, морочивший головы простолюдинам о достижениях в СССР. Родилась М. в бывшей Гродненской губернии. Естественно, ей очень хотелось взглянуть на родные места, тем более, что от Минска до родной деревни — рукой подать. Но разрешения на поездку в родные места она не имела. Козырнула своей преданностью сов. власти. Я ведь защищаю сов. власть, подумала она, почему же я не могу ездить по "своей" стране без разрешения? Так или иначе, но М. в один прекрасный день очутилась в своей родной деревне. И что же? Не прошло и трех часов, как рабу М. милиционеры взяли под руки и отправили туда, откуда она приехала, т. е. в Минск. Не успела даже несколькими словами переброситься с своими родными, а некоторых из них не успела даже увидеть. Излечившаяся от красного насморка М. теперь находится в Детройте, но о положении в СССР ничего не говорит. Лишь самым близким друзьям заявляет, что нужно набрать в рот воды и молчать... Вот сколько приключений потребовалось для того, чтобы красная патриотка узнала ту правду, о которой безвластники уже давно говорят. **Г.К.**

ПОПРАВКА

К стихотворению А. Консе "Искушение в пустыне," напечатанном в прошлом номере "ДТП," сделано по ошибке ненужное примечание. Спешим исправить эту ошибку. Автор стихотворения имеет ввиду не Эдуарда Вальяна — члена французского парламента, а Огюста Вальяна, имя которого, вместе с именами Анри и Равашоля, в 90 годах прошлого столетия прогремело на весь мир. Доведенный до отчаяния репрессиями правительства, Вальян бросил бомбу в здание парламента. Несмотря на то, что от взрыва никто не пострадал, Вальян был приговорен к смертной казни. Этот приговор показался несправедливым даже тем лицам, которые всецело осуждали действие Вальяна. На имя президента республики — Карно посыпались со всех концов света петиции, прошения и, конечно, протесты. Многие выдающиеся люди во главе с Эмилем Золя указывали, что смертный приговор не оправдывается даже жестоким библейским изречением "око за око." Письмо 9-летней девочки, дочери осужденного, просившей президента не оставлять ее круглой сиротою, вызывало слезы у всех читавших. Президент Карно, однако, остался неумолимым. Вальян был казнен. Но драма этим не кончилась. Спустя некоторое время молодой булочник, придя пешком из Италии, заколол Карно кинжалом, на котором было выгравировано: "Месть за Вальяна." Булочник, имя которого — Казиеро, конечно, тоже погиб. Таким образом, отказ президента Карно помиловатть Вальяна лишил жизни еще нескольких человек.—РЕД.

КНИГА ЕЛЕНСКОГО ВЫШЛА

Книга Еленского — История Анархического Красного Креста — уже вышла из печати. Книгу можно выписать от автора. Его адрес:

B. YELENSKY
1011 S. W. 8th Ave., Miami, Fla.

Помощь журналу

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Ув. товарищи. Высылаем вам 60 долларов. Из них 16 д. — за проданные номера журнала, а остальные — добровольные пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: Т. Шумович и И. Черный по 10 д., С. Сак 2 д., И. Сивко 1 доллар. Получено из других городов: **Сан Франциско:** Н. Г. 10 д., Н. К. 6 долларов. **Майями:** А. и Ф. Коваленко 5 долларов.

Всем жертвователям — большое спасибо. Хочется сказать несколько слов относительно нашего журнала. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что всем нам желательно, чтобы журнал выходил чаще. Но что же для этого нужно сделать? Так как наш журнал не имеет на своих страницах объявлений, а существует исключительно на пожертвования организаций и отдельных лиц, а также на те средства, которые получаются от продажи журнала, то само собой понятно, что промежуток времени между двуми выпусками всецело определяется нашей **интенсивностью,** как в смысле пожертвований, так и в смысле распространения журнала. Чем энергичнее мы будем распространять журнал и чем щедрее будем жертвовать на его издание, тем чаще мы будем его читать. Знаем, что все это — "старые истины," но, к сожалению, новых истин в этом смысле пока еще нет.

Надеемся, что товарищи согласятся в этом с нами и включатся в нашу общую работу. За дело, друзья! Тряхнем еще раз стариной... **Профсоюз**

ПОСТУПЛЕНИЯ В НЬЮ ИОРК

Нью Иорк: А. Громм — 10 д.; Кэк, И. Данилюк, С. Данилюк, И. А., П. Б., Меткин — по 5 д.; К. З. — 4 д.; В. Свида — 3 д.; Ф. Ш., Мурашко — по 1 д. **Гастингс,** Новая Зеландия: Златко Златков — 7 д. 20 с. **Лос Анжелес,** Кал.: Атрик — 10 д. **Чикаго,** Ил.: Волков — 12 д., Володькин — 10 д., Репиха — 2 д. **Рочестер,** Н. И.: Лазарев — 3 д. **Мэриден,** Конн.: В—шич — 5 д. **Гайфилд,** Мд.: Кунавич — 5 д. **Филадельфия,** Па.: Тимощук, Криворожский шахтер — по 10 д.; Мерченко, Горас — по 5 д. Е. Д. — 1 д. **Монтреал,** Кан.: В. Шехов, Пикала, К. Ольшанский — по 1 д. **Торонто,** Кан.: П. Гронский — 10 д.; Шабан — 5 д. **Кензас Сити,** Кан.: С. Горелик — 10 д. **Сакраменто,** Калиф.: С. Ф. Рыбин — 5 д. **Вашингтон:** М—ов — 5 д. **Нью Иорк:** Оле—ков — 3 д. **Нью Гейвен,** Конн.: А. Радецкий — 12 д. **Авока, Па.:** Е. Ходневич — 3 д. **Нью Иорк:** Коновал — 5 д. **Джеймспорт,** Н. И.: Де—вич — 5 д. **Струтгерт,** Огайо: С. Медынич — 10 д., Семенос — 5 д. **Голт,** Канада: Т. Макаровский — 10 д. **Торонто:** П. Пенев — 5 д. **Нью Гейвен,** Конн.: Яруб, П. Б., Т. Родек — по 5 д. **Акрон,** О.: Б. — 5 д. **Джерзи Сити,** Н. Дж.: И. С. Щур — вместо цветов на могилу И. П. Самусина в фонд журнала — 10 д. **Ниагара на озере Онтарио,** Кан.: А. Ивашко — 3 д. **Брукфилд,** Ил.: Лагота — 5 д. **Виндзор,** Канада: Кравчук — 5 д. **Кливланд:** А. Ф-ко — 10 д., Громыко, Л. Клеменко — по 5 д.; **Ф.** Дан, Г. Ж. — по 3 д. **Детройт:** С. Павлов — 5 д.; И. Сивко — 3 д.

ПЕРИОДИКА

БЕЗВЛАСТНИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

"FREEDOM"
Еженед. газета на английском языке. Адрес:
Freedom Press
27 Red Lion Street London W. C. 1, England

"UNIVERSITY LIBERTARIAN"
Периодич. журнал издающ. молодежью. Адрес:
13 Bannerman Ave.
Prestwich, Manchester, England

"LE REVEIL ANARCHISTE— IL RISVEGLO ANARCHICO"
Ежемес. журнал на француз. и итальян. яз. Адрес:
44 Eaux—Vives Geneva, Switzerland

"VIEWS AND COMMENTS"
Периодич. орган, выходящ. в Нью Иорке.
Почт. Адрес:
P. O. Box 261, Cooper Sta. New York 3, N. Y.

"НАШ ПУТЬ"
Анархич. орган на болгарском языке. Адрес:
Boite Postale 89, 05, Paris, France

"ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ"
Анархический орган на японском языке. Адрес:
"LA NIGRA FLAGO"
T. Soejima
1-26 Nisisinmachi Hukuoka, Japan

"CATHOLIC WORKER"
Орган христианских анархистов (католиков)
223 Chrystie St. New York 2, N. Y.

"LIBERATION"
Ежемес. журнал, близк. к анархизму. Адрес:
110 Christopher St. New York 14, N. Y.

"GERMINAL"
Журнал на итальянск. языке. Адрес:
Tomasini Umberto, Via Mazzini 39, Trieste, Italy

"VOLUNTAD"
Газета на испанском языке. Адрес:
Casilla Correo 637 Montevideo, Uruguay

"SOLIDARIDAD OBRERA"
Орган испанск. анарх. в изгнании. Адрес:
24 Rue Sainte-Marthe Paris X, France

"FREIE ARBEITER STIMME"
2-х недельн. газета на еврейском языке. Адрес:
33 Union Square New York 3, N. Y.

"НАБАТ"
Периодич. орган на болгарском языке. Адрес:
I. Christou
C.P. 37, Geneve IV, Switzerland

"UMANITA NOVA"
Газ. на итальянском языке. Адрес:
70 via Milano, Roma, Italy

Le monde LIBERTAIRE
Ежемес. журнал на французском языке. Адрес:
53 bis, rue Lamark, Paris 18e, France

"TERRA y LIBERTAD"
Газ. на испанском языке. Адрес:
Apartado Postal, 10596, Mexico 1, D.F., Mexico

"LA PROTESTA"
Анархический орган в Аргентине. Адрес:
Stantander 408, Buenos-Aires, Argentina